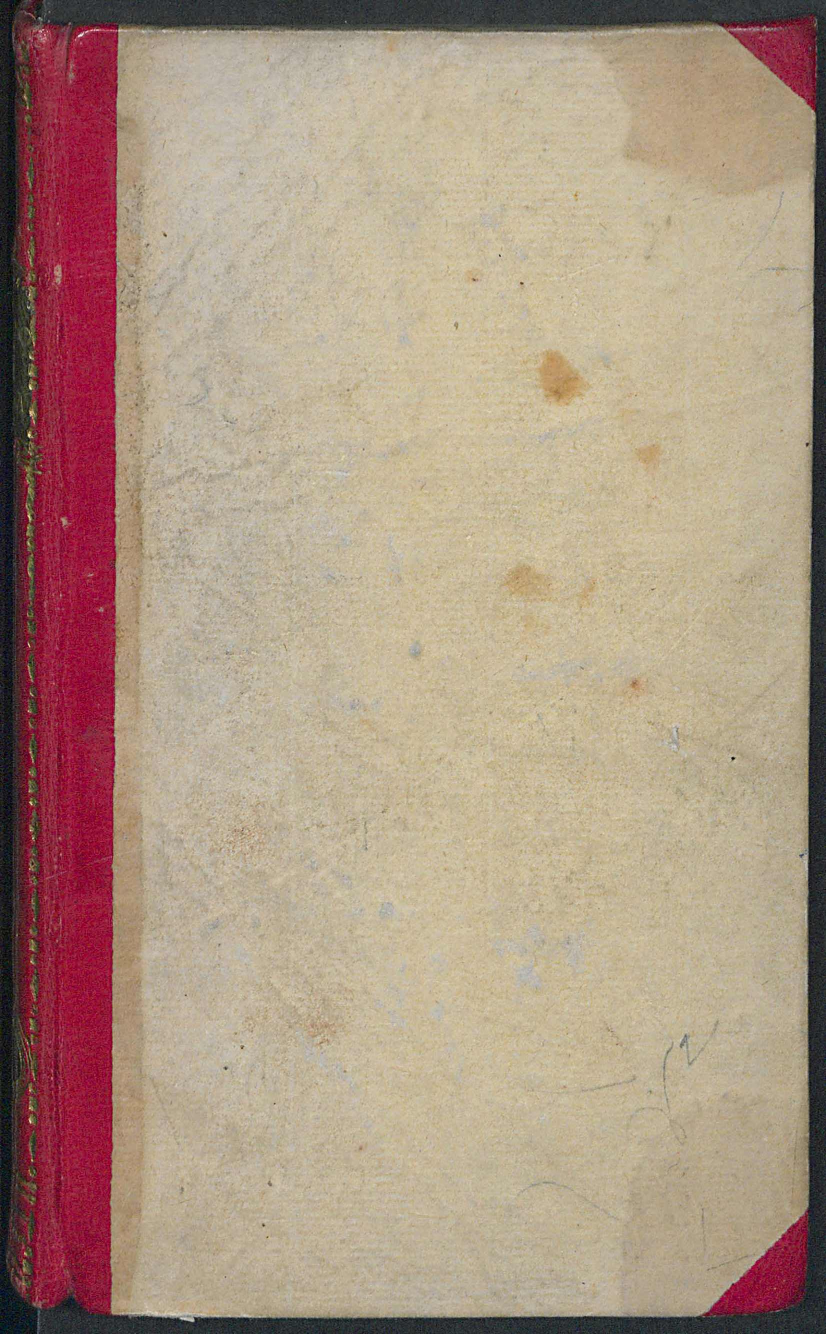


из б-ки Десницкого

2-й экз.

ЗОЛОТОЕ ЗЕРКАЛО,

ИЛИ

ЦАРИ ШЕШІАНСКІЕ,

ИСТИННАЯ ПОВѢСТЬ.

Переведена

съ

ФРАНЦУЗСКАГО.

—— Rex eris —

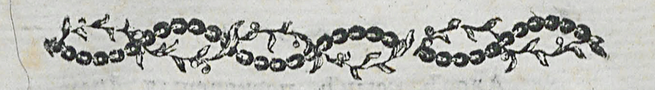
Si recte facies. т. е.

Царемъ будешъ поступая справедливо.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВЪ МОСКВѢ,

Въ Университетской Типографіи, у Н. Новикова, 1781 года.



ЦАРИ ШЕШІАНСКІЕ.

VII.

Въ обыкновенный часъ, Султанша Нурмагаль продолжала повѣсть Шешіанскую слѣдующими словами:

Хотя прекрасная Лили не удостоилась щастія имѣть мудраго Данишеменда совѣтникомъ, однако все по предсказаніямъ нѣкоторыхъ глубокомысленныхъ людей о слѣдствіяхъ ея блестящаго правленія, мало по малу воспослѣдовало; и противники роскоши восторжествовали тогда, что могли въ своихъ упорныхъ мнѣніяхъ утверждаться на *опытѣ*. Но зло появилось ужѐ подъ преемническою державою, которая есть наидостойнѣйшая примѣчанія изъ всѣхъ, о которыхъ мы изъ лѣтописей Шешіана знаемъ, поелику она плачевнымъ примѣромъ показываетъ, *колико зла можетъ приключиться при простосердечномъ Государѣ.*

 Азоръ,

Азоръ, сынъ прекрасныя Лилій, вступилъ по смерти своего безымяннаго отца на престолъ подъ благополучнѣйшими прознамѣнованіями. Онъ былъ хорошій Государь того времени, обходителенъ, кротокъ во нравѣ, склоненъ удовлетворять всякому, былъ всегда открытъ безъ осторожности совершенно тѣмъ, которые были его орудіями. Народъ, привыкшій судить обо всемъ по вкорененію въ чувства, ожидалъ отъ правленія толь хорошаго Государя *златаго вѣка*, но ошибался; онъ сперва обожалъ его, но ошибался; послѣ спустя двадцать лѣтъ ненавидѣлъ и презиралъ его съ такою же неумѣренностію, съ каковою его любилъ, но ошибался.

Вы возбуждаете мое любопытство, сказалъ Султанъ; скажите мнѣ, для чего Шешіанцы всегда ошибались: ошибались, когда любили своего Государя, и ошибались, когда они его ненавидѣли; но не забудьте, что я не люблю игры словъ.

Любо-

Любопытство Вашего Величества будетъ удовольствовано, примолвила Нурмагаль, и я постараюсь разсказать мою повѣсть съ довольною живостію, для умноженія вашего вниманія . . .

Учтивость сія есть хитрая сатира на твердость моего духа, сказалъ Султанъ; однако продолжай!

Младый Азоръ родился, какъ и всѣ человѣки, Князья или простые люди, съ такою склонностію, которая бы подъ руководствомъ мудраго могла сдѣлать изъ него превосходнаго частнаго человѣка, а можетъ быть, и самаго хорошаго Государя. Онъ конечно не изъ тѣхъ рѣдкихъ и высокаго ума людей, *которые сами себя образуютъ*; которые въ нѣдрахъ грубаго и развращеннаго народа, въ злощастномъ столѣтіи своимъ собственнымъ разумомъ безъ всякаго другаго путеводителя, или помощника, восходятъ на пути безсмертія, объемлютъ естественною возвышенностію и проницаніемъ своего духа

всю цѣпь человѣческихъ дѣйствій; однимъ словомъ, обрѣтаютъ въ собственномъ своемъ разумѣ великія правила мудраго правленія, а въ сердцѣ образецъ всѣхъ царскихъ добродѣтелей . . .

Всемилостивѣйшій Государь, сказалъ Данишемендъ, прошу мнѣ простить, что я не могу удержаться, чтобъ не прервать прекрасную Нурмагаль. Сочинитель, изъ котораго почерпнула она сей великолѣпный періодъ, думалъ безъ сомнѣнія, что онъ сказалъ что нибудь весьма изрядное; но сіе есть только пустый звонъ. Нѣтъ такихъ *чудныхъ людей*, о коихъ онъ хочетъ насъ увѣрить, и самые Князья со всѣми своими предъ нами преимуществами, въ основаніи, такъ сказать, суть *токмо нѣкоторый родъ людей*. Дабы отдать человѣческой природѣ и доброму Султану Азору надлежащее право, то мы лучше скажемъ безъ всякаго великолѣпія словъ: „что онъ находился не въ благо„пріятствующихъ обстоятельствахъ,

„дол-

„должен ствующихъ соединиться на про-
„изведенiе изъ младаго Принца, ода-
„реннаго изрядною склонностiю, прево-
„сходнаго Государя„. Такъ было дѣй-
ствительно; и я готовъ въ случаѣ нужды утверждать противу всей Дельской Академiи: „что отъ созда-
„нiя мiра, (отъ котораго можетъ быть
„до нашихъ временъ прошло ужѐ весьма
„много лѣтъ,) не было ни одного вели-
„каго человѣка, который бы жилъ безъ
„путеводителя, безъ примѣровъ и безъ
„помощниковъ, единственно водимъ
„силою своего собственнаго разума.„

Я благодарю философа Данишеменда именемъ всѣхъ Султановъ, моихъ добрыхъ братьевъ, за толико утѣшительное примѣчанiе, сказалъ Султанъ улыбнувшись. Вопреки всѣмъ льстецамъ, тысячу разъ сказывавшимъ мнѣ противное, думаю я, что онъ говоритъ правду; и ежели бы я не опасался за сiе тысячи его учтивостей, то бы я еще прибавилъ, что я весьма сомнѣваюсь, былъ ли хотя только одинъ

одинъ изъ насъ *въ половину толико хорошъ*, какимъ онъ могъ быть при благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ.

У неосторожнаго Данишеменда уже было на языкѣ сказать: *или только въ половину столько хорошъ, какимъ онъ могъ сдѣлаться при такихъ обстоятельствахъ, въ коихъ онъ дѣйствительно находился.* Но по щастію опомнился онъ, что „ правда, сказываемая великому чело„ вѣку никогда не должна оскорблять;" и что сіе дѣйствительно весьма было благородно въ Султанѣ, когда онъ изъ собственнаго движенія столько признался. И такъ Данишемендъ удовольствовался тѣмъ, что прекрасной Нурмагалѣ вспомоществовалъ выхвалять достопочтенную скромность своего Государя; а Султанша продолжала повѣствованіе слѣдующимъ образомъ:

О воспитаніи Принца Азора больше не радѣли, нежели надлежало ожидать отъ прозорливости прекрасныя Лили, его

ма-

матери. Она въ выборѣ того, кому знатную часть воспитанія его препоручила, сдѣлала небольшое лжеключеніе (Sophisme), которое для ея сына и для народовъ, коихъ участь нѣкогда отъ его образа размышленія зависѣть долженствовала, было великимъ слѣдствіемъ. Она думала, что человѣкъ, который имѣлъ дарованіе препровождать съ нею время лучше всѣхъ другихъ, и который притомъ сочинялъ небольшіе пріятнѣйшіе стишки, долженъ необходимо имѣть способность къ воспитанію Государя. Такимъ образомъ сдѣлала Гофмейстеромъ Принцу изящный разумъ, который ничего не оставилъ къ изощренію его разума и къ содѣланію тонкимъ его вкуса. Азоръ научился знать вкусъ въ красотѣ стихотворцевъ, умѣлъ выражать жаръ трагическихъ явленій, давать общимъ вещамъ остроумные обороты, и много зналъ другихъ подобныхъ хитростей, касающихся до *блеска*, которыя имѣютъ свою цѣну, есть-

ли сопровождают существеннѣйшія совершенства и бываютъ оныхъ украшеніемъ. Принцъ показывался въ бѣседахъ наиблагороднѣйшимъ и пріятнѣйшимъ образомъ; говаривалъ о веселыхъ и честныхъ вещахъ; одѣвался по послѣднему вкусу, и судилъ всѣхъ лучше о всемъ касающемся до хорошаго; онъ игралъ на флейтѣ, рисовалъ весьма искусно и танцовалъ восхитительно. Непріятели его (поелику при всѣхъ сихъ любви достойныхъ свойствахъ не недоставало ему оныхъ) выговаривали ему, что онъ въ волненіи первыя своея страсти *сдѣлалъ стихи* одной придворной госпожѣ; стихи сіи навлекли ему безпокойство быть выбрану отъ всѣхъ стихотворцевъ своего времени въ боги хранители, и видѣть себѣ посвященія при вступленіяхъ ихъ притчей, или поемъ, или великолѣпныхъ поднесеній, гдѣ съ алчнымъ краснорѣчіемъ упрашивали они его подать имъ помощь, или пригласить ихъ къ обѣду.

Преж-

Прежде, нежели начну я продолжать, Ваше Величество, я должна упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ, которое имѣетъ нѣкоторое втеченіе въ разныя части исторіи Шешіанскія, и касается до тѣхъ обычаевъ, коими жители сея земли различествуютъ отъ большія части другихъ народовъ Асіи. Прекрасный полъ наслаждается у нихъ отъ давнѣйшаго времени вольностію, равною той, въ которой онъ находится у западныхъ народовъ. Отъ времени прекрасныя Лили, которая приложила стараніе собрать къ себѣ прекраснѣйшихъ и совершеннѣйшихъ особъ своего пола изъ всего государства, дворъ, который, ес тьмрачное происхожденіе всенародныхъ дѣлъ, сдѣлался позорищемъ пріятнѣйшихъ очарованій любви и веселостей.

Младый Государь скоро въ семъ училищѣ дошелъ до того, что придворныя госпожи стали называть его *любви достойнымъ человѣкомъ*. Онѣ другъ передъ другомъ старались усовершить

шить его воспитаніе; и можно догадываться, что ихъ намѣренія не совсѣмъ были столько безкорыстны, сколько онѣ старались ихъ показать такими. Азоръ тогда весьма смущался о томъ выборѣ, который его сердцу надлежало сдѣлать между толь многими прелестными предметами, когда смерть его отца возложила на его главу такую корону, о цѣнѣ которыя онъ долженствовалъ имѣть довольно любовническое понятіе, ибо, когда ему хотѣлось поговорить съ какою нибудь придворною красавицею, то оная въ глазахъ его тогда только имѣла уваженіе, когда онъ могъ повергнуть ее купно со своимъ сердцемъ къ ногамъ сея маленькія волшебницы. Можно изъ сего безопасно заключить, какимъ образомъ онъ былъ наставленъ въ нераздѣлимыхъ отъ сея короны должностяхъ.

Въ самомъ дѣлѣ *должности* сіи весьма скучны для тѣхъ, которые умѣютъ наслаждаться жизнію по обыкновенію Шешіанскаго двора,

по-

потому что каждый, котораго бы ни захотѣли обременить оными, спѣшилъ высвободиться, сколько возможно скорѣе изъ подъ толь тягостнаго бремени.

Младый Государь оставилъ оныхъ большую часть своей матерѣ; мать его своему любимцу; любимецъ своему первому Секретарю; первый Секретарь своей любовницѣ; любовница Бонзѣ, который, подъ видомъ старанія о спасеніи ея души, нашелъ случай взойти въ самую сущность свѣтскихъ дѣлъ, и наконецъ играть непослѣднюю ролю, не имѣя къ тому другаго расположенія, кромѣ смѣшнаго любочестія и желанія къ устроенію коварствъ, что было тогда въ Шешіанѣ отличнымъ знакомъ людей его состоянія. Такое расположеніе дѣлъ естественнымъ образомъ не могло быть продолжительно. Система перемѣнялась по мѣрѣ того, какъ тайныя, но подкрѣпляемыя движенія любочестія и корыстолюбія производили перемѣну

ремену въ отправленіи дѣлъ. Случалось, на примѣръ, что помянутыя должности царскія власти были раздѣлены между Царицею матерью и царскою любовницею. Любовница сія возложила свой удѣлъ на свою горничную служанку; сія на своего любовника, любовникъ на своего повѣреннаго, и такъ далѣе; и ничего нельзя извѣстнѣе сказать о сихъ перемѣнахъ, какъ токмо то, что отъ нихъ правленіе обыкновенно больше теряло, нежели пріобрѣтало.

Больше двадцати лѣтъ, какъ я Султанъ; сказалъ въ семъ мѣстѣ Шах-Жебалъ улыбаясь; но я бы весьма желалъ, Данишемендъ, чтобъ ты научилъ меня, что вы и другіе мудрецы разумѣете подъ *государскими должностями*?

Ваше Величество, отвѣчалъ Данишемендъ, мнѣ токмо надобно для сего вывести общія предложенія изъ всего того, что вы учинили славнаго....

Безъ учтивостей, единожды на всегда, сказалъ Султанъ. Скажи, что

вы

вы думаете о семъ дѣлѣ, а вольность объ ономъ разсуждать я предоставляю себѣ.

Ваше Величество, отвѣчалъ Философъ, должности Государя, сказываютъ, суть:

„ Дѣлать всѣмъ правосудіе, и „*наказывать* всѣ неправды, *коихъ онъ* „ *не могъ предупредить*;

„ Поставлять въ первыя мѣста „ и всенародныя должности людей, „ способныхъ къ отправленію оныхъ;

„ Награждать заслуги;

„ Употреблять съ основаніемъ „ государственные доходы, и доставлять своимъ народамъ внутри „ покой, а внѣ безопасность отъ „ непріятеля. „ —

Когда сіи должности исполнены дѣйствительно, то все равно (присовокупляютъ къ сему,) для правленія, самъ ли Государь оныя отправляетъ, или поручаетъ отправленіе ихъ другимъ; довольно, *чтобъ онъ былъ первodвижущею пружиною*. Но были

ли

ли во всѣхъ временахъ такіе Государи, которые своими примѣрами знатно разпространили границы сихъ должностей. Они думали, что не возможно иначе исполнить своего долга, какъ стараясь о всеобщемъ благоденствіи съ помощію разумнѣйшихъ и лучшихъ людей изъ своего народа. Они силились достигнуть нѣкотораго *пообразительнаго* совершенства, какое они себѣ въ духѣ своемъ представляли; и тогда токмо почитали себя щастливыми, когда могли себѣ сіе сказать съ точнымъ себя увѣреніемъ: „ Между всѣ„ми милліонами людей, коихъ жре„бій мнѣ ввѣренъ, нѣтъ ни едина„го, который бы *былъ нещастенъ* „ *моимъ проступкомъ, слѣдствіемъ* „ *какія нибудь изъ моихъ страстей,* „ *или моимъ нерадѣніемъ* „. Они разумѣли во обширности своихъ должностей мудрое законоположеніе, основанное на правилахъ природы, на нуждахъ и обстоятельствахъ ихъ государства; отеческое и непосред-

спвен-

ственное раченіе о всенародныхъ училищахъ, градоправленіе возведенное на высочайшій степень возможнаго совершенства; справедливое оцѣненіе и дѣйствительное ободреніе наукъ и художествъ, умягчающихъ нравы, и содѣлывающихъ жизнь пріятною. Недовольны будучи тѣмъ, какъ древніе Персидскіе Цари, чтобъ опредѣлить *глаза* и *уши*, для видѣнія и слышанія на ихъ имя, они обязанными себя почитали смотрѣть *собственными своими глазами*; и дабы смотрѣть совершенно, то пріобрѣтать довольное познаніе о всемъ, что было подвержено ихъ разсужденію, *слушать самимъ каждаго изъ своихъ подданныхъ*, разсматривать всѣ предложенія о исправленіи, или о какомъ полезномъ предпріятіи, ободрять исполненіе онаго *своимъ присутствіемъ*; самою вещію дѣлать *всякое благо*, которое состояло въ ихъ власти; *препятствовать всякому злу*, которое прекратить имъ было *возможно*. Наконецъ, они поставляли въ число того, что они называли

сво-

своими должностями, толь многіе и толь удручительные труды, *что разпѣ одна Геройская добродѣтель можетъ убѣдить смертнаго къ принятію короны*, когда зависитъ отъ него принять оную, или отвергнуть.

Не забудь, Данишемендъ, сказалъ Султанъ, зѣвнувъ два раза съ ряду, принести мнѣ завтра, когда встану, списокъ всѣмъ Государямъ восточнымъ и западнымъ, къ которымъ, въ повѣствованіи, клонилось твое намѣреніе.

Память Вашего Величества не будетъ отягощена числомъ, отвѣчалъ Данишемендъ. (*)

Я

(*) Ежели Данишемендъ въ семъ не обманулся, то, по крайней мѣрѣ, можно догадаться, что большая часть Государей, когда смерть готовится уничтожить между ими и малѣйшимъ изъ ихъ подданныхъ неравенство, думаютъ какъ Людовикъ VI. Французской Король, который умирая говорилъ своему младому преемнику: не забы-

Я такъ и думалъ, сказалъ Султанъ; но тѣмъ лучше, я люблю избранную бесѣду. . . . .

Извините Нурмагаль, ваше продолженіе нынѣ больше прервано не будетъ.

Ваше Величество, продолжала Нурмагаль, легко можно разсудить, сколь хорошо, въ семъ состояніи дѣлъ, *должности Государя* были исполнены, во владѣніе любви достойнаго Азора. Онъ самъ не могъ объ нихъ имѣть никакого понятія. Правда, онъ совершенно умѣлъ приказать изготовить великолѣпный пиръ для своея любовницы; но какъ онъ могъ знать важность порядка государственнаго, его нужды, утвержденіе его безопасности, и дѣйствіе всеобщаго блага? *Природа* вообще не

бывай никогда, мой сынъ, что царское достоинство есть *должность всенародная*, въ которой ты, по смерти своей, отдашъ исправный отчетъ Богу и потомству.

Примѣчаніе Латинскаго Переводчика.

не производитъ Государей; сїе есть дѣйствїе науки, и безъ сомнѣнїя ея величайшее и совершеннѣйшее произведенїе; но довольно было учинить простосердечнаго Азора *любви достойнымъ дворяниномъ*. Принужденъ будучи повѣрить другимъ свои важнѣйшїя дѣлà, ни коимъ образомъ не могъ онъ безъ тѣхъ знанїй, которыхъ въ немъ всегда не доставало, сдѣлать хорошїй выборъ. Какъ онъ могъ иначе поступить, будучи младъ и не искусившись опытомъ, чтобъ ихъ не оставить тѣмъ, о которыхъ онъ былъ лучшаго мнѣнїя, *потому*, *что они имѣли величайшую власть надъ его сердцемъ*? (*)

Сїи,

(*) Повѣренность Государя къ Министру, къ которому онъ не имѣетъ особливыя склонности дѣлаетъ всегда честь какъ первому, такъ и послѣднему; она показываетъ въ *послѣднемъ* вышшее достоинство, а въ *первомъ* природное дарованїе къ оцѣненїю онаго, и *государскую добродѣтель*, чтобъ жертвовать своими пристрастїями пользѣ государства. *Примѣчанїе Китайскаго Переводчика.*

Сіи, по несчастію, находились вЪ подобномЪ ему случаѣ. Они для самихЪ себя удерживали только изЪ оныхЪ *легчайшую и пріятнѣйшую* часть, то есть, *отправленіе свободныя власти*, а прочее оставляли другимЪ. Весьма часто случалось, что важнѣйшія дѣла рѣшимы были по мнѣнію Бонзы, камердинера, молодыя неразсудливыя красавицы, или, что не однажды бывало, по мнѣнію какого нибудь придворнаго шута.

Слѣдствія такого правленія дѣлЪ были столь плачевны, сколь только вообразить можно. Нечувствительно мѣста наполнились людьми неспособными. СЪ начала правосудіе продавали тайно, а наконецЪ и явно: коварство восторжествовало подЪ его именемЪ. Расточали общенародные доходы, и подЪ именемЪ государственныхЪ нуждЪ довольствовали ненасытимую жадность нѣкоторыхЪ любимцевЪ. Пренебрегли существенныя и трудныя должности правленія, *коихЪ прямое исполненіе есть несовмѣстно*

съ частнымъ прибыткомъ; а преступленіе оставалось ненаказанно, когда умѣло достать себѣ покровительство знатныхъ; оно часто также было награждаемо и ободряемо, подъ именемъ заслуги. Въ самомъ дѣлѣ весьма мало найдется такихъ правленій, въ коихъ бы толь часто и толь мало сразмѣрно награждены были *заслуги*. Но удивительно было, что такое достоинство находилось всегда въ родственникахъ и пріятеляхъ любимцевъ; а еще удивительнѣе, *что народъ былъ раззоренъ толь многими заслужеными людьми*; и малое токмо было число такихъ умозрителей, которые узнали, что во всемъ семъ ничего не было удивительнаго.

Когда Султанъ зѣвнулъ здѣсь въ третій разъ, то продолженіе прервалось искуснымъ прехожденіемъ къ пріятнѣйшему предмету, о которомъ здѣсь упомянуть Китайскому сочинителю не разсудилось за благо.

VIII.

VIII.

Между тѣмъ младый Азоръ наслаждался нѣсколько лѣтъ всемъ тѣмъ блаженствомъ, какое младость, цвѣтущее здравіе и безпредѣльная власть могутъ доставить такому смертному, который находитъ оное во *всегдашнемъ упоеніи души*, въ чувственныхъ удовольствіяхъ, въ заблужденіи воображенія и сердца. Азоръ любилъ веселіе паче всего; но его благородное и чувствительное сердце *любило также и изливать оное*; и когда онъ почиталъ себя щасливымъ, то хотѣлъ и окружаемъ быть одними только людьми щасливыми. Такимъ образомъ три или четыре года протекли въ безпрерывномъ сопряженіи праздниковъ и забавъ, въ которыхъ искуство и разумъ соединяли свои силы къ различенію, умноженію, украшенію и возвышенію до безконечности того малаго числа пріятныхъ движеній, коими скупая природа надѣлила человѣка, и для прои-

изведенія безчисленными искусными и сокровенными дѣйствіями тѣхъ пріятныхъ представленій, которыя отнимаютъ скуку, и влекутъ восхищенный духъ въ нѣкоторый вихрь веселія, толь быстро, что ему не остается довольно силы, для разсматриванія того, что происходитъ въ немъ и въ тѣхъ предметахъ, коихъ сладостной и пріятной власти онъ предался. Мы мнимъ пріобрѣтать новыя чувства, вкушая удовольствіе, воображаемъ, что каждый день проходитъ въ новомъ существованіи, исполненномъ любосластія, и не усматриваемъ, что находимся въ нѣкоторомъ родѣ *оваянія, внѣ границъ естественныя нашея дѣйствительности*. Наконецъ изнуреніе жизненныхъ духовъ, усыпленіе чувствъ, а еще чаще чувствительнѣйшія слѣдствія сластолюбиваго невоздержанія отвлекаютъ душу отъ сего сладкаго упоенія, для преданія ея чувствованію несносныя пустоты, множеству такихъ разсуж-

сужденій, кои могли бы привести ее на путь мудрости, естьли бы привычка не возвращала ее скоро, механическою силою, къ тѣмъ самымъ предметамъ, къ тѣмъ самымъ удовольствіямъ, коихъ она тщетно испытала обманчивое наслажденіе: имъ токмо надобно показаться въ другомъ видѣ, дабы обмануть снова.

Сударыня, сказалъ Султанъ, не называютъ ли сего *долгимъ послѣдованіемъ*, что вы намъ теперь читали съ складнѣйшимъ удареніемъ голоса? Какъ оно ни названо будетъ, но я объявляю вамъ, что я до него не великій охотникъ. Однако никогда я не былъ такимъ непріятелемъ нравоученія, какъ мой достохвальный дѣдъ Шах-Багамъ. Не взирая на сіе вы меня принудите впредь не выслушивать такого рода повѣствованія, которымъ вашъ сочинитель, по природному недостатку, кажется весьма подверженъ. Не опасайтесь, что бы я что нибудь чрезъ то потерялъ. Я не могу ничего по-

добнаго сему ни читать, ни слушать, не представя тотЪ часЪ предЪ собою Имана, наморщившаго лобЪ и надувшаго щоки. Очень досадно, что вЪ нашихЪ писателяхЪ не достаетЪ справедливаго тона, и что они хотятЪ намЪ продавать вмѢсто философіи надутые періоды, вЪ коихЪ весьма гремятЪ какимЪ нибудь довольно извѢстнымЪ мнѢніемЪ, прикрытымЪ готическимЪ одѢяніемЪ, пышными словами и риторическими фигурами.

Нурмагаль сЪ великимЪ краснорѢчіемЪ обѢщала тщательно убѢгать сего худаго вкуса, и продолжала свое повѢствованіе слѢдующимЪ образомЪ:

Немалое было для Шешіана нещастіе, что прелестная *Ксерика*, возродившая первую склонность вЪ младомЪ ГосударѢ, *была изЪ того рода душЪ*, которыя природа, кажется, нарочно производитЪ для *любви*, и для *любви единыя*. Сердце Азорово (хотя бы онЪ былЪ

про-

простый пастухЪ) едино имѣло цѣну вЪ ея очахЪ; она была самая любовь, но только для него; учинить его щастливымЪ было единымЪ ея желаніемЪ, единою славою, единымЪ помышленіемЪ. ОнЪ и самЪ былЪ таковЪ и на степени величества тѣмЪ же самымЪ и столь долго, сколь могло продолжиться очароніе первыя любви. Когда онЪ при ея ногахЪ одинЪ находился вЪ какой нибудь бесѣдкѣ, и положивЪ на ея колѣни голову, обращалЪ жадные свои взоры на пылающія отЪ любви ея очи, (*) тогда добросердечный Государь позабывалЪ свой вѣнецЪ и всѣ вѣнцы земные со всѣми зависящими отЪ

(*) Сіе изображеніе напоминаетЪ намЪ одно изЪ прекраснѣйшихЪ мѣстЪ ТассовыхЪ, которому, можно бы было думать, что здѣсь находится подражаніе, есть-либЪ Нурмагаль не жила нѣсколькими вѣками прежде сего Италіанскаго стихотворца.

Ecce

отъ нихъ правами и должностями, такъ какъ бы сія бесѣдка была вселенная, а Ксерика и онъ одни ея жители (*). Такимъ образомъ госу-

дар-

Ecco tra ſronde e fronde il guardo avanti
Penetra e vede, o pargli di vedere:
Vede pur certo il vago e la diletta,
Ch' egli è in Grembo a la donna, eſſa a l'erbetta:

Ella dinanzi al petto ha il vel diviſo
E'l crin ſparge incompoſto al vento eſtivo:
Langue per vezzo, e'l ſuo infiammato viſo
Fan biancheggiando i bei ſudor più vivo.

Qual raggio in onda, le ſcintilla un riſo
Ne gli umidi occhi tremulo e laſcivo,
Sovra lui pende ed ei nel grembo molle
Le poſa il capo e'l volto attolle.

E i famelici ſguardi avidamente
In lei paſcendo ſi conſuma e ſtrugge, &c.
Goffredo C. XVI. 17. 18. 19.

(*) Подражаніе было бы гораздо разительнѣе, естьли бы слова подлинника не столь были долги. Истолкователь примѣтилъ, что такій слогъ былъ обыкновенный Шешіанскаго сочинителя.

Примѣчаніе Французскаго Переводчика.

дарственныя дѣла и все, что называли раздѣленіемъ милостей, находилось въ рукахъ любимца Султанши Лили, помощію котораго они перешли на толь многихъ другихъ, что (естьли можно повѣрить въ томъ тайнымъ запискамъ сего государства) комедіантки и танцовщицы должны были играть въ нѣкоторыя времена роль важныхъ людей на политическомъ театрѣ Шешіана.

Прошу извинить, что я паки долженъ прервать ваше повѣствованіе, сказалъ Султанъ, что называлось при семъ дворѣ *раздѣленіемъ милостей*?

Ваше Величество, отвѣчала Нурмагаль, сіе было обыкновеніе, введенное въ прежнія царствованія, разпредѣлять *по доброжелательству* и *благопріятству* всякаго рода чины и должности, съ коими сопряжены были знатность, власть и доходы. И такъ занятіе такого мѣста назвали *милостію*. Мало по малу дали сему слову пространнѣйшій

шій смыслЪ; такЪ что всякое понятіе о заслугѣ было изтреблено, даже до того, что всякій художникЪ или купецЪ, имѣющій требованія за свою работу или за отданные товары, обязанЪ былЪ заплату считать за оказанную милость, да и то не прежде получалЪ, какЪ послѣ тысячи скучныхЪ проволочекЪ, протoрей и убытковЪ, тайными хитростями, и сЪ пожертвованіемЪ знатныя части требованія. ВЪ самомЪ дѣлѣ были тогда люди, утверждавшіе: „Что Шешіанскому „Царю толь многія предлежатЪ „дѣла, для *воздания всякому* „*надлежащаго*, что мало, или со„всѣмЪ никакихЪ не остается ему „милостей кЪ раздѣленію; что вся„кій чинЪ и всякая должность тре„буетЪ *извѣстныхЪ дарованій и из*„*вѣстныхЪ добродѣтелей*, и слѣдо„вательно должна быть занята „тѣмЪ, кто сильнѣйшіе показалЪ „опыты своея кЪ онымЪ способно„сти; что Царь не имѣетЪ также

„пра-

„ пра́ва, почитать за милости, тѣ „ содержанія, которыя выдаются „ изъ общенароднаго сокровища, по- „ тому что общенародное сокровище „ опредѣлено на такіе разходы, кои „ исполненіе государскія власти дѣ- „ лаетъ нужными; словомъ, что „ Царь имѣетъ токмо къ раздѣле- „ нію милости изъ своея собствен- „ ныя казны; и что всякое благо- „ дѣяніе, которое онъ дѣлалъ, яко „ Царь, было подобно той необхо- „ димой должности, которая обязы- „ вала его подданныхъ почитать „ его, ему повиноваться, и старать- „ ся, сколько щастіе имъ позволитъ, „ о платѣ государственныхъ пода́- „ тей „. Но вводившіе такія пра́- вила весьма бы хорошо сдѣлали, есть- ли бы хранили ихъ для себя; ибо ихъ не послушали и дворъ оставилъ се- бѣ власть дѣлать изъ милости все то, что ни хотѣлъ; такъ что, какъ выше сказано, слово *заслуга*, въ своемъ собственномъ знаменова- ніи, было помѣщено между *ненапи-*

стны-

стными словами, невмѣстимыми въ разговорахъ между знатными и благоразумными. Его употребляли токмо къ означенію тѣхъ качествъ или отношеній, коими имѣли щастіе нравиться той особѣ, которая раздѣляла милости. Въ первые годы царствованія Азорова, большая часть милостей зависѣла отъ *кормилицы* Царицы Лили, отъ *танцовщицы* Персіянки, плѣнившей повѣреннаго перваго Визиря, и отъ одного Бонзы, старавшагося съ великимъ усердіемъ отвратить сію *танцовщицу* отъ вѣры *боготворителей огня*, въ которой она родилась, дабы ее привести въ свою. И такъ въ сіе время, дѣйствительно было токмо три рода заслугъ, или три рода пути, къ пріобрѣтенію милостей: *достоинство быть въ состояніи заплатить оныя*; *многообѣщающій видъ*; (ибо *танцовщица* была весьма безкорыстна) *и достоинство глупости*.

Азоръ, коего дворъ помрачалъ въ то время сіяніе великолѣпнѣйшихъ дворовъ въ Асіи, давалъ всякій годъ по три ста шестьдесяти праздниковъ, и почиталъ себя блаженнѣйшимъ изъ всѣхъ безсмертныхъ, обладая любезною Ксерикою. Ибо на толь высокомъ щастія степени, какъ ему было не позабыть, что мать его произвела его смертнымъ? Азоръ не вѣдалъ ничего о томъ, что его области были жертвою корыстолюбія правителей, судебныя мѣста проданы невѣждамъ, и безумной младости, а управленіе государственныхъ доходовъ, по нѣкоторымъ тайнымъ договорамъ, было оставлено людямъ, имѣющимъ проворство пріобрѣтать себѣ десятую часть отъ всякаго милліона для Царя ими получаемаго. Искусное сіе проворство было потомъ возвышено на такій степень совершенства, что первѣйшіе знатоки едва имя учениковъ заслуживали. Добросердечный Азоръ почиталъ подданныхъ своихъ щастливыми для того, что онъ

онъ таковъ былъ самъ, для того что желалъ ихъ видѣть щасливыми, и для того что онъ пріобыкъ зрѣть всѣ свои желанія исполненными. Сверьхъ сего онъ толь мало разумѣлъ науку правленія, что съ вѣроятностію заключалъ о томъ, что государство можетъ быть и безъ его содѣйствія благоуправляемо; такъ, какъ солнце восходило и заходило всякій день, времена года слѣдовали безпрерывно, и все въ природѣ происходило по пристойному порядку, безъ всякаго о томъ Его Величества попеченія.

Изобиліе, трудомъ и торговлею еще всегда на величайшую часть государства изливаемое, соединясь съ безпрерывными веселостями, господствовавшими при дворѣ и въ столичныхъ городахъ учинило на нѣсколько времени слѣдствія толь худаго правленія нечувствительными въ *цѣломъ обществѣ*. Сколь легко въ великомъ множествѣ народа непразднаго, исполненнаго храбрости и надутаго мечтаніями обман-

манчиваго щастія, позабыть можно десять тысячь утѣсненныхъ гражданъ? Какимъ образомъ нѣмыя воздыханія, или самые громкіе крики сихъ нещастныхъ, по разнымъ мѣстамъ разсѣянныхъ, могли быть слышимы среди разительнѣйшаго еще шума всеобщія ревности и всенародныя радости? Какъ могли они проникнуть до ушей сострадательнаго Азора?

Но премѣненіе системы, въ которой находились восточныя и западныя государства Асіи, и при которой не возможно было, чтобъ дворъ Шешіанскій былъ равнодушенъ, подало младому Государю случай усмотрѣть, что дѣла его были весьма худо управляемы. Время и деньги, которыя должно было употребить на предуготовленія къ неизбѣжимой войнѣ, истощены были на веселія и тщетныя торговли. Когда непріятель уже былъ готовъ дѣлать набѣги на границы государства, тогда

гда только они увидѣли, что не въ состояніи защищаться. По нещастію Царское сокровище нашлось въ такомъ истощеніи, что Азоръ принужденъ былъ прибѣгнуть къ хранилищамъ надзирателей его казны и общенародныхъ откупщиковъ, въ которыхъ царствовало *изобиліе, имѣющее, по видимому, одну причину съ оскудѣніемъ Царскаго.* Роптаніи народа, обремененнаго двойными податьми на военные расходы, и видящаго свое защищеніе въ толь слабыхъ рукахъ, день отъ дня возрастали; непріятель покорялъ одну послѣ другія провинцію; и Государь всегда не зналъ точнаго состоянія дѣлъ, доколѣ *Алабанда* (придворная женщина, старающаяся издавна низринуть нѣжную и во всегдашнихъ веселіяхъ утопающую Ксерику) не нашла благопріятнаго къ тому времени. Она сдѣлала первое впечатлѣніе на сердце Государя, притворяясь быть одушевленною горящимъ усердіемъ къ его покою и къ славѣ его государства.

Ала-

Алабанда соединила въ своей особѣ всѣ прелести, способныя плѣнить сердце подобнаго Азору Государя. Она имѣла при цвѣтѣ юности, совершенную и помрачающую красоту, весьма пріятный разумъ сластолюбіемъ возвышенный. Не возможно было ей противоустоять, когда она старалась нравиться. Въ то самое время, какъ равнодушіе, кое Азоръ начиналъ чувствовать къ Ксерикѣ, позволило ему сдѣлать вниманіе на ея соперницу, удивился онъ, что былъ толь долгое время нечувствителенъ къ толь совершенному предмету. Нѣжная Ксерика любила токмо въ Государѣ Азора; Алабанда любила токмо Государя въ Азорѣ. Двадцать другихъ были способны столько же хорошо, или и лучше удовольствовать сластолюбивыя его желанія; но гордость ея не инымъ чемъ могла быть удовольствована, какъ безпредѣльною властію надъ всѣмъ государствомъ; и расположеніе, какое Алабанда себѣ

предначертала, къ достиженію сего конца, показало ея благоразуміе. Она открыла Азору, сколь худо Государство было управляемо подъ властію его матери, и убѣдила его принять кормило правленія. Государскій совѣтъ и первыя государственныя мѣста̀ были заняты людьми во всемъ прекрасною Аламбандою облагодѣтельствованными; и какъ ничего не было непостояннѣе благосклонности сея женщины, то Диванъ въ ея владѣніе столь же часто былъ перемѣняемъ, какъ головный ея уборъ, или цвѣтъ платья. Она ихъ всякій день перемѣняла конечно для того, да бы показать, что ея красота всегда пребывала равно, и торжествовала надъ всемъ, что бы ни покусилось преимуществовать предъ нею.

Государь весьма былъ удивленъ, нашедъ толь легкимъ то бремя, кое онъ почиталъ толь тягостнымъ. Ему оное не болѣе стоило, какъ токмо мгновенія ока, или по крайней мѣрѣ

сказать *такъ*, *хорошо*, на все то, что прекрасная Алабанда или сама, или чрезъ своихъ любимцевъ ему ни предлагала. Ничего не было сего способнѣе; однако царство Шешіанское не сдѣлалось отъ такого правленія лучшимъ, которое толь легкимъ учинили для Государя.

Ужè съ начала вышеупомянутыя войны, любимецъ Султаншиной матери, который имѣлъ тогда полную власть, увидѣлъ себя принужденнымъ оставить повелѣвать войскомъ искусному Генералу, который весьма былъ старъ для полученія отъ новаго двора уваженія. Видъ его, ухватки, голосъ, платье и свойство давно ужè вышли изъ моды: но его дарованія, любовь его къ отечеству, и опытность его были такія качества, которыхъ обыкновенно тогда познаютъ цѣну, когда имѣютъ въ нихъ нужду. Приближающаяся опасность оправдала Министра, который увидѣлъ себя принужденнымъ удалиться отъ коренныхъ законовъ

двора, препоруча толь важное мѣсто такому человѣку, который *былъ изъ инаго свѣта*, и который не имѣлъ другихъ заслугъ, кромѣ своего личнаго достоинства.

Хорошія расположенія, учиненныя старымъ полководцемъ, и тѣ знатныя выгоды, кои онъ въ короткое время получилъ надъ непріятелемъ, обѣщали начатой войнѣ щастливое окончаніе. Но когда Алабанда овладѣла Государемъ и правленіемъ, тогда старый Генералъ былъ отозванъ назадъ подъ видомъ того, *будто онъ не имѣлъ довольно жара*, *а на мѣсто* его *послали молодаго весьма любезнаго господина*, *который, безъ сомнѣнія былъ лучшій танцовщикъ при цѣломъ дворѣ*. Сею способностію и тѣмъ дарованіемъ, кое онъ имѣлъ къ сочиненію маленькихъ *сатирическихъ стишковъ* на тѣхъ женщинъ, коимъ гордая Алабанда не хотѣла попустить быть любезными, привлекъ онъ на себя вниманіе любимицы; *и понеже кошелекъ* его *находился*

ся

ся тогда весьма въ худомъ состоянiи, то выпросилъ онъ у нее перваго Генерала мѣсто, какъ способъ поправить оный. Непрiятели выиграли при семъ тѣмъ больше, нежели какъ бы они три побѣды одержали надъ старымъ Генераломъ. Неудовольствiе дворянства, войска и народа, по причинѣ тѣхъ непростительныхъ погрѣшностей, кои сей начальникъ сколь неискусный, столь упорный и хищный дѣлалъ безпрестанно, дошло наконецъ до толь высокiя степени, что Алабанда принуждена была *отозвать сего танцовщика* обратно. Онъ прiобрѣтши нѣсколько миллiоновъ и причинивъ въ десять разъ большiй правительству убытокъ, возвратился ко двору съ такою гордостiю и шумомъ, какъ бы славнѣйшiя учинилъ дѣйствiя. Онъ также получилъ изъ рукъ самого Государя *вѣнецъ изъ папагиныхъ перьевъ*; знакъ чести, отличающiй знатныхъ въ государствѣ людей отъ нижшаго дворянства.

въ первомъ большомъ пиршествѣ, учиненномъ при дворѣ, по случаю одержанныя его преемникомъ побѣды, плясалъ онъ съ толикою похвалою, что зависѣло токмо отъ него, прiобрѣсть столько сердецъ, сколько онъ хотѣлъ, или могъ сберечь.

Прiобрѣтенныя новымъ Генераломъ надъ непрiятелемъ выгоды обѣщали щастливый успѣхъ. Но *честь прекраснаго танцовщика*, который сдѣлался знатною особою полученiемъ изъ павлиныхъ перьевъ вѣнца и тоя добычи, кою похитилъ онъ у Шешiанцовъ, заставила думать, что необходимо надлежало остановить на время толь опаснаго преемника; и какъ тогда Государь правительствовалъ самъ, то нашлось, что совсѣмъ не приличествовало повелѣвающему войскомъ предпринимать что либо важное безъ подлиннаго приказанiя двора. Онъ требовалъ повелѣнiя и получилъ оное дать сраженiе въ такое время, когда случай учинить оное съ великою

вы-

выгодою, совсѣмъ миновалъ. Писали, что бы онъ шелъ къ востоку, когда тогдашнее состоянiе призывало его на западъ, или, чтобъ оставилъ то мѣсто, когда обстоятельства необходимо требовали занять оное. Сверьхъ сего умѣли ему надѣлать столько другихъ препятствiй, что и Александрова бы храбрость оныхъ не преодолѣла. Иногда не доставало ему войска, иногда денегъ, иногда съѣстныхъ и военныхъ припасовъ, и наконецъ всего. Однако преодолѣлъ онъ всѣ сiи трудности вспоможенiемъ, почерпаемымъ въ своемъ разумѣ и честолюбiи; и вознамѣрился окончать войну славнымъ образомъ и рѣшительнымъ сраженiемъ, какъ получилъ извѣстiе о дѣйствительно заключенномъ мирѣ.

Хотя договоры мира принесли мало чести Азору, однако должно признаться, что они тѣмъ были выгоднѣе для его Министровъ; ибо всякiй договорный членъ стоилъ сто тысячь унцiй серебра. Правда, что го-

государство Шешіанское потеряло чрезЪ оный одну изЪ своихЪ лучшихЪ провинцій; но прекрасная Алабанда получила алмазный поясЪ, стоившей почти небольшаго государства; а АзорЪ изволилЪ *знать толь мало географію своего государства, что не чувствовалЪ никакія потери.* Его увѣрили, что уступаемая провинція, требовала большаго содержанія, нежели стоила; и всѣ придворные Бонзы и стихотворцы награждены были за похвалу, чиненную ими взапуски, благородному безкорыстію Государя и отеческой его любви кЪ своему народу и за сравненіе онаго сЪ геройствомЪ, помрачающимЪ наизнатнѣйшія дѣла славнѣйшихЪ побѣдителей.

Разсуждая о вашемЪ добросердечномЪ Азорѣ, по всѣмЪ симЪ опытамЪ, сказалЪ СултанЪ, не можно ничего сЪ большею кротостію сказать, какЪ то, что онЪ долженЪ имѣть весьма слабое сердце, а еще слабѣе того разумЪ. Что до

меня

меня касается, то я признаюсь, что Государь, дающій свое имя злодѣйствамъ своихъ любимцевъ, кажется мнѣ презрительнѣйшимъ существомъ. Я не вижу, для чего бы приписывать ему ту честь, что бы называть его добросердечнымъ, когда его народы, со всемъ его добросердечіемъ не въ лучшемъ находились состояніи, какъ когда бы онъ былъ и тиранномъ.

Ваше Величество, отвѣчала прекрасная Нурмагаль, позвольте мнѣ сказать, что вы весьма строго поступаете съ добросердечнымъ Азоромъ. Онъ, по справедливости, былъ одинъ изъ достойнѣйшихъ любви Государей своего времени. Въ немъ не недоставало ни разума, ни вкусу, и находится нѣсколько о немъ анекдотовъ, изображающихъ благороднѣйшее и чувствительнѣйшее его сердце. *Нещастливое воспитаніе...*

Простите мнѣ, сударыня, сказалъ Султанъ, прервавъ ея рѣчь; я

я бы никогда не хотѣлъ, что бы такое извиненіе принято было отъ Государей. Воспитаніе особъ, рожденныхъ для престола, рѣдко бываетъ столь хорошо, сколь того желаютъ, и по вашему мнѣнію, изъ ста подобныхъ мнѣ людей всегда бы девяносто пять имѣли право правительствовать столько же худо, сколько бы угодно было ихъ женамъ, придворнымъ и случаю. Сказать ли вамъ, какъ я самъ былъ воспитанъ?.. Клянуся гробомъ Пророка! есть ли какій либо Султанъ когда нибудь имѣлъ право не слѣдовать общему понятію; то это я по справедливости. Какъ мы здѣсь одни, то я хочу сдѣлать себѣ удовольствіе, разсказать вамъ одну или двѣ главы изъ исторіи моея юности.

Дядя мой Шах-Багамъ... Богъ да упокоитъ душу его!.... ввѣрилъ воспитаніе мое одному изъ своихъ евнуховъ, подъ смотрѣніемъ котораго, одному Факиру, слѣдуя пе-

похвальному обычаю, надлежало учинить меня столь ученымъ, сколь по мнѣнію Шах-Багама, долженствовало быть сыну меньшаго брата, царствующаго Султана. Я такъ помню, какъ бы сіе теперь происходило, сколько добросердечный мой дядя Багамъ былъ доволенъ, видя меня довольно успѣвшаго въ Математикѣ и Физикѣ, чтобъ множествомъ тѣхъ ученыхъ словъ, коихъ онъ совсѣмъ не разумѣлъ, разсказать ему сложеніе *летучаго дракона*, удивленія достойное изобрѣтеніе друга его Царя *Струса*. Въ веселіи сердца своего подарилъ онъ меня изрядно вырѣзаннымъ бумажнымъ *гусемъ въ розовой доминѣ* своихъ собственныхъ трудовъ, сверьхъ большаго коробка, наполненнаго сахарными работами, который я, какъ скоро вышелъ, повергъ къ ногамъ моея маленькія любовницы, которая была молодая невольница Султанши моея тетушки. Впрочемъ умозрѣніе бумажнаго дракона есть наивысочайшій

шій степень, котораго я нѣкогда достигЪ вЪ познаніи природы и вЪ упражненіи вЪ наукахЪ; ибо ФакирЪ *Саламалекъ*, достойный мой наставникЪ, чистосердечно признался, что испытаніе природы было не его дѣло; но вмѣсто того хвалился великимЪ моимЪ знаніемЪ вЪ исторіи. Я по пальцамЪ считалЪ всѣхЪ восточныхЪ Государей Шіан-Бен-Шіана, который царствовалЪ за нѣсколько тысячь лѣтЪ до Адама, перваго человѣка, до славнаго Шах-Багама, моего дяди. Я называлЪ по имени всѣхЪ женЪ и наложницЪ пророка Соломона, и зналЪ множество *прекрасныхъ исторій о Государяхъ*, имѣвшихЪ особливое щастіе во всѣхЪ своихЪ предпріятіяхЪ, потому что они основали огромныя мечети, и прекрасныя зданія, для житья смиреннымЪ ДервишамЪ, которымЪ надлежало токмо читать днемЪ и ночью АлкоранЪ. Судите по сему, какое нравоученіе и политику могЪ вЪ меня вперить добросердечный Сала-

ламалекъ. Бѣдная душа! я долженъ сказать въ его похвалу, что онъ столько трудился, что часто чело его орошалось по́томъ. Ибо всѣ тѣни обитателей Индостана, даже до тысящнаго колѣна, поносили бы меня, говорилъ онъ, естьлибъ я пренебрегъ толь существенную часть воспитанія такого Принца, который толь близокъ къ трону. Его намѣреніе было не худо, какъ видите; и ежели бы его понятія не были столькожъ хороши, то была не его погрѣшность. Для чего Шах-Багамъ выбралъ такого Факира для обученія своего племянника нравоученію и политикѣ? . . . . По мнѣнію Саламалека, наивеличайшій и наилучшій изъ Султановъ былъ тотъ, который съ точнѣйшею исправностію, отправлялъ пять своихъ молитвъ, и дѣлаемыя по закону омовенія, который воздерживался во всю свою жизнь отъ вина, который больше основывалъ домовъ Дервишамъ, и который раздавалъ по крайней мѣ-

рѣ десятую часть изъ своихъ доходовъ бѣднымъ. Онъ не имѣлъ другаго понятія о Государскомъ благотвореніи; и когда онъ о семъ проповѣдывалъ, то Государь не имѣлъ другаго званія, какъ дѣлать изъ своихъ трудолюбивѣйшихъ подданныхъ нищихъ, для доставленія спокойныхъ дней лежебокамъ. Безъ сомнѣнія находилъ онъ сей способъ изряднѣйшимъ, разсуждая, что убожество и богатство безпрестанно обращаются, и что Государю никогда не недостаетъ средствъ и случаевъ къ оказанію своего благотворенія, не причиняя притомъ ни малаго ему труда. По симъ высокимъ понятіямъ, Факиръ мой былъ явный непріятель роскоши: онъ съ важнымъ увѣрялъ видомъ, что несравненно полезнѣе для государства, чтобъ половина народа провождала дни свои въ праздности, на иждивеніи другаго, нежели чтобъ она занята была развратными науками, одобряющими роскошь. Вся политика сего честнаго

го человѣка состояла въ подобныхъ мнѣніяхъ. Справедливѣйшая и пріятнѣйшая Богу война, говорилъ онъ, есть та, которая предпринимается для погубленія пророческихъ непріятелей и для распространенія на землѣ его закона. Онъ представлялъ мнѣ разныхъ Государей, которые очевидно были за то наказаны, что приняли въ свое владѣніе Жидовъ, Христіанъ, Геберовъ и Баніановъ, и попустили каждому, по своему собственному убѣжденію, почитать всевышнее существо. Онъ презиралъ Философію и изящныя искусства, какъ суетное мечтаніе и бѣсовское изобрѣтеніе древнихъ язычниковъ. Онъ проповѣдывалъ съ великимъ усердіемъ, противъ Абассидовъ (*), которыхъ достойное наказа-

(*) Здѣсь, по видимому сочинитель хочетъ сказать о Халифѣ Гарунъ Алрашидѣ и его сынѣ Алмамонѣ, при которыхъ знанія и науки отъ Грековъ, какъ извѣстно, пренесены въ государство Сарацинское.

Примѣчаніе Латинскаго Переводчика.

казанія любопытство и развращенный вкусъ ввели сіи мерзости между правовѣрными. Одинъ тотъ, кто хорошо знаетъ Алкоранъ, и понимаетъ сокращенныя истолкованія двенатцати Имановъ, обыкновенно говаривалъ онъ, есть истинный мудрецъ. Всѣ сіи умозрѣнія нравоученія и политики, которыя, говорятъ, основаны на природѣ, суть ослѣпленія злыхъ духовъ. Проклятъ всякъ (вскрикивалъ онъ въ сильномъ жару и съ распаленными глазами) заразившій симъ ядомъ души Мусульмановъ! Онъ часто говаривалъ съ восхищеніемъ о Амру-Бен-Аласѣ, Генералѣ Халифа Омара, который приказалъ раздѣлить славную Александрійскую книгохранительницу на топленіе общенародныхъ бань. По его мнѣнію, всѣ сіи книги не годились ни къ чему, есть ли содержали въ себѣ то, что сокращеннѣе и лучше написано въ Алкоранѣ; и заслуживали сожженіе, есть ли содержали нѣчто другое, нежели что написано въ сей божествен-

венной книгѣ. Сіи были златыя времена, кричалъ онъ, безобразя глупое свое лице знакомъ набожности, времена, въ кои Исламитское процвѣтало государство! Въ кои невѣрные попираемы были ногами, и законъ Пророка распространялся по всей землѣ съ невѣроятною скоростію! . . Разсудите изъ сихъ опытовъ, продолжалъ Султанъ, могъ ли бы мой Факиръ лучше исполнить свою должность, естьли бы мой дядя Шах-Багамъ приказалъ ему сдѣлать изъ меня Факира. Но я думаю, что ко щастію моему и Индостана, между невольниками находившимися у меня въ службѣ, былъ *одинъ молодый Кипрянинъ*, который имѣлъ довольный разумъ и воспитаніе, и умѣлъ толь остро смѣяться надъ понятіями и правилами моего Факира, кои ему казались весьма смѣшными, что ему не много стоило труда загладить тѣ слѣды, которые онѣ могли оставить можетъ статься въ моемъ разумѣ; и какъ онъ сверьхъ сего

 былъ

былъ проворенъ, и изъ добрыя воли служилъ мнѣ въ моихъ любовныхъ дѣлахъ, то пріобрѣлъ мою довѣренность въ толь высокомъ степени, что я его любилъ, какъ половину души своея. Мы играли надъ старымъ евнухомъ и разумнымъ Факиромъ многія шутки, которыхъ изобрѣтеніе и исполненіе дѣлало насъ довольно гордыми. Между тѣмъ не были мы столько осторожны, чтобъ въ оныхъ иногда не попадаться и не быть обвиненными предъ Султаномъ съ великимъ шумомъ. Но хотя Шах-Багамъ и хвалилъ усердіе тѣхъ, коимъ поручено было мое воспитаніе, однако рѣдко могъ вознамѣриться приказать наказывать шалости нашея молодости. Онъ обыкновенно толь сильно смѣялся тому повѣствованію, которое Факиръ дѣлалъ ему объ оныхъ жалостнымъ голосомъ и съ трагическими ухватками, что подхватывалъ животъ обѣими руками. Такимъ образомъ наконецъ добросердечный Факиръ принужденъ былъ

до-

довольствоваться обыкновенною своею пословицею: *по младости нѣтъ мудрости.* Я довольно помню, примолвилъ Шах-Багамъ съ скрытнымъ видомъ, что я не лучше поступалъ въ лѣтахъ Жебала. Я былъ настоящїй шалунъ; Факиру, моему наставнику, Богъ да утѣшитъ душу его! много было со мною дѣла, и женщины Султанши, моея матери, не могли отъ моихъ наглостей остеречься. Жебалъ вѣтренъ, но онъ будетъ и разуменъ, когда погаснетъ въ немъ жаръ молодости.... Онъ говаривалъ много еще подобныхъ сему рѣчей, въ которыхъ никогда у добраго моего дяди не было недостатка .... Что вы теперь думаете, сударыня, о моемъ воспитанiи? Не находите ли вы, что будучи въ рукахъ стараго и своенравнаго учителя, такого Факира, который подавалъ мнѣ толь добрыя наставленiя, молодаго и вѣтренаго Кипрянина, нѣсколькихъ вѣртопрашныхъ женщинъ и такого дяди, какъ Сул-

 танъ

танЪ БагамЪ, долженЪ былЪ я, удивленія достойнымЪ образомЪ, предуготовляемЪ быть кЪ принесенію чести Индейскому престолу?

Ваше Величество, сказала улыбаясь Нурмагаль, есть ли мнѣ позволено вольно открыть свои мнѣнія, то я думаю, что сіи обстоятельства весьма способствовали кЪ открытію вашего разума. Есть ли то правда, что всѣ рѣзвые молодые люди имѣютЪ неопровергаемую склонность дѣлать всегда противное тому, что ихЪ наставники имЪ представляютЪ, то какЪ можно было сыскать вамЪ кЪ тому способнѣйшаго, кромѣ Факира Саламалека? Пріятныя Султаншины женщины были необходимо нужны для дѣйствованія пружинами вашего воображенія и для препятствованія недѣйствію сердца, коего надлежало опасаться вЪ такомЪ худомЪ воспитаніи. Молодый КипрянинЪ могЪ бы можетЪ быть иногда и перевѣсить строгое нравоученіе вашего Факира больше,

нежели потребно было; но когда онЪ вамЪ служилЪ также ни кЪ чему иному, какЪ кЪ учиненїю недѢйствительнымЪ ученїя сего смѢшнаго наставника, то онаго ужѐ было сЪ лишкомЪ много. Но я надѢюсь, что онЪ оказалЪ вамЪ еще наивеличайшую услугу. Шутки его надЪ Факировыми наставленїями способствовали собственнымЪ вашимЪ склонностямЪ и подкрѢпляли васЪ наидѢйствительнѢйшимЪ образомЪ противЪ ложныхЪ поученїй. Довольно ужѐ для человѢка мудрости, когда онЪ умѢетЪ смѢяться дурачествамЪ. СверьхЪ сего надлежало, чтобЪ примѢрЪ Султана Багама и трехЪ его предшественниковЪ. . . . . . .

О! что до сего касается, сударыня, перервалЪ СултанЪ смѢяся, то ваша правда. Три или четыре предшественника такого рода, суть несравненное училище для такого послѢдователя, который умѢетЪ ихЪ разсмотрѢть вЪ истинномЪ ихЪ сїянїи. . . . Но довольно

сего дня о Государяхъ и дѣлахъ правительства. Давно ужѐ не имѣлъ я случаевъ позабывать то, что я имѣю честь быть Султаномъ. Прикажите, Нурмагаль, войти нѣсколькимъ изъ вашихъ одалискъ; я хочу испытать, могу ли я заснуть такъ же спокойно при пѣніи голосовъ, какъ тотъ старый сѣдый бородачь, о которомъ Данишемендъ недавно намъ сказывалъ толь удивительныя вещи. . . .

IX.

Малыя забавы, кои Султанъ соблаговолилъ имѣть съ одалисками своея любимицы, больше надъ нимъ произвели дѣйствія, нежели онъ надѣялся. Вмѣсто того, что бы его усыпить, удалось одной изъ сихъ молодыхъ Нимфъ возбудить его сонное воображеніе, и вдохнуть въ него нѣкоторый родъ средины между страстію и вкусомъ, которыя начало, средина и конецъ про-

продолжались, по изчисленію Философа Данишеменда, три дни, двадцать один часъ и шестнадцать минутъ.

Есть ли кратчайшія дурачества суть лучшія, то должно сказать въ честь сему Султану, что онъ ненедостоинъ былъ въ семъ случаѣ быть примѣромъ такихъ особъ своего состоянія, которыя сами не могутъ быть образцами. Но чтобъ чрезъ мѣру не польстить его мудрости. . . . . правду сказать, что пѣвица не имѣла довольно разума, а Султанъ желанія, большаго продолженія подать своей къ ней склонности. По прошествіи нѣсколькихъ дней почувствовалъ онъ охоту, возобновить опять собранія своея маленькія Академіи, которыя прерваны были сею малою перемѣною препровожденія времени. Снисходительная Нурмагаль продолжала сими словами исторію о Султанѣ Азорѣ.

Ежели Султанъ Азоръ мнилъ учинить дѣйствіе Царскаго великодушія, подаря непріятелямъ своимъ не токмо

мо миръ, но еще и одну изъ своихъ лучшихъ провинцій, въ такое точно время, когда щастіе начинало склоняться на его сторону: то однако не можно оспорить, что желаніе наслаждаться гораздо спокойнѣе любезною своею Алабандою, (завоеваніемъ, могущимъ обезпечалить его въ потерѣ двадцати провинцій) было истиннымъ тайнымъ возбужденіемъ его великодушія. Ибо употребленіе мира, толь дорогою цѣною купленнаго доказало, что весьма мало помышляли о народныхъ выгодахъ. Не думали дѣлать лучшаго для переду въ государствѣ учрежденія, ни возставлять опустошенныя и раззоренныя войною провинціи. Азоръ раздѣлилъ дѣла̀ правленія между нѣкоторыми любимцами прекрасныя Алабанды, которые увѣрили его, что онъ управлялъ самъ въ то время, когда онъ былъ совершенно управляемъ сею обаятельницею и ея единомысленниками. На великолѣпные праздники и всегда перемѣнныя веселія, которыхъ изобрѣ-

брѣтеніе стоило многаго труда разумнымъ головамъ Шешіана, издерживали безчисленныя суммы, которыхъ десятыя части было бы довольно на истребленіе плачевнаго воспоминанія о опустошеніи мѣстъ, бывшихъ театромъ войны. Многія семейства, погруженныя въ крайнюю бѣдность, могли бы быть возстановлены цѣною торжествованія единаго дня рожденія; и принесли бы дѣйствительную пользу всеобщественному благу. Но понеже не нашлось никого, кто бы предложилъ сіе мнѣніе Государю. . . . . . и какъ прекрасная Алабанда не была превыше тоя слабости, чтобъ жертвовать новою побѣдою своего тщеславія сожалѣнію и чистѣйшему удовольствію дѣлать благо. . . . . . . то какимъ образомъ Азоръ, при всемъ своемъ природномъ добросердечіи, могъ оное себѣ представить? . . . . Онъ, который не имѣлъ никакого познанія о внутреннемъ разпоряженіи своего государства, ника-

какія склонности, кромѣ какъ къ своимъ забавамъ; онъ, который не имѣлъ ни малѣйшаго умозрительнаго понятія о той бѣдности, которой долженъ былъ спомоществовать. Ему надлежало въ такомъ одѣяніи, которое бы учинило его незнакомымъ, одному или въ провожаніи одного или двухъ честныхъ мужей удалиться отъ пышныя дороги, ведущей къ увеселительному его замку, и итти въ отдаленнѣйшія части своего государства; входить въ крестьянскія хижины, или въ развалины городовъ, которыхъ цвѣтущее состояніе было премѣнено въ тягостную скудость. Тамъ то бы научился онъ узнавать нещастныхъ съ воздыханіемъ требующихъ его помощи. Коль бы безконечное благо причинило единое такое путешествіе его народамъ! но. . . . . . .

Мирца, сказалъ Шах-Жебалъ своему любимцу, нечаянною подвигнутъ будучи чувствительностію, непозабудь завтра по утру быть готовъ у западныхъ воротъ сада, съ лошадьми

ми для меня, для себя самого и для Данишеменда. Надобно намъ сдѣлать вмѣстѣ такое забавное путешествіе. Но жизнію мнѣ всѣ трое отвѣтствуйте за содержаніе сего тайно!.. Продолжай, Нурмагаль.

Государь, добросердечному Султану Азору не пришло на умъ сдѣлать такого путешествія, которое теперь Ваше Величество, съ такимъ похвальнымъ жаромъ, опредѣлили. Его путешествіе было оказаніе величества съ великолѣпіемъ, представлявшимъ торжествующее воинство побѣдителя міра. На одно изъ такихъ путешествій исходили годовые доходы съ цѣлыя провинцій; и поелику древній (*), но вредный обы-

(*) Большая часть древнихъ обыкновеній вредительны единственно потому, что они древни. Можно ихъ почесть добрыми и оправдать въ ихъ время, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ; но такое обыкновеніе, которое послѣ обстоятельствъ пребываетъ, бываетъ опасно. И такъ нѣтъ ничего глупѣе обыкновенныхъ криковъ неразумныхъ людей противу новостей.

Примѣчаніе безымяннаго издателя.

обычай принуждалЪ поселянЪ приводить даромЪ верблюдовЪ, лошадей и повозки для Государя и всѣхЪ его придворныхЪ; то сіе одно обстоятельство причиняло почти столько же чувствительное раззореніе вЪ тѣхЪ мѣстахЪ, гдѣ оно случалось, сколько и набѣги непріятелей. ВпрочемЪ любимцы Султановы и его любовницы всегда того смотрѣли и старалисЪ, чтобЪ очи Государя не были поражены зрѣлищемЪ неимущества, наготы и скудости. Мирцы, чрезЪ коихЪ владѣнія двору надлежало проходить, вмѣняли себѣ вЪ достоинство, разположить все за долго напередЪ, для принятія своего владыки сЪ великолѣпіемЪ, или чтобЪ увеселить его зрѣніе полевыми праздниками и знаками радости, которыя подавали добросердечному Государю ложное удовольствіе думать, что наималѣйшій изЪ его подданныхЪ былЪ щастливЪ.

Я начинаю сожалѣть о вашемЪ Азорѣ, сказалЪ Шах-ЖебалЪ. Государь долженЪ быть БогомЪ; или

над-

надлежитъ ему быть обманутъу, есть ли всѣ его подданные сговорятся между собою его обманывать.

При всемъ семъ, продолжала Нурмагаль, Шешіанъ взятый въ *разсужденіе вообще*, казался цвѣтущимъ государствомъ. Природа большую часть земель его награждала богатѣйшими своими дарами. Прилѣжаніе и торговля оживотворяли большія города, а науки возвысились на высочайшій степень совершенства. Алабанда не токмо не шествовала по стопамъ прекрасныя Лили; чрезмѣрная гордость ея не позволяла ей быть простою подражательницею; она хотѣла имѣть честь *изобрѣтенія*.

Какъ она обыкновенно бывала съ Государемъ на охотѣ, то случилось однажды, что удалилась она съ нимъ въ одну изъ тѣхъ дикихъ странъ, которыя кажутся въ такомъ отъ природы презрѣніи, что одинъ токмо жезлъ волшебницы удобенъ украсить оныя. Какое мѣсто, вскричала Алабанда съ нѣкоторымъ родомъ изступленія, для исполненія въономъ намѣренія, мо-

могущаго учинить владѣніе моего Султана на всегда славнымъ и неподражаемымъ! Какая страна, для устроенія въ оной обитанія боговъ любви и собранія всего, могущаго прельщать чувства и воображеніе! Азоръ съ удивленіемъ взиралъ на волшебствующую Алабанду; но былъ и самъ великій охотникъ до чудотвореній; и хотя бы гораздо былъ меньше, однако весьма нѣжно любилъ прекрасную Алабанду, чтобъ не прервать ея пріятныхъ мнѣній возраженіями. И такъ онъ оставилъ ей произведеніе намѣренія, которое, можетъ быть, не имѣло равнаго себѣ въ дурачествѣ. Планъ окончанъ былъ въ три дни, и милліонъ людей опредѣленъ былъ къ исполненію онаго. Отъ времени гордыхъ Нинивійскихъ и Мемфійскихъ Государей не видали предпріятія такого дѣла. Но Египетскія пирамиды и стѣны древняго Вавилона, были ничто въ сравненіи съ твореніями богини Алабанды? Горы превращены были въ долы. Здѣсь

по-

похищаютЪ неприступныя каменистыя скалы; тамЪ претворены оныя вЪ чертоги, малые храмы, гроты и пріятныя уединенія; индѣ дѣлаютЪ изЪ оныхЪ возвышенные и вЪ степени изсѣченные холмы, сады, дороги, цвѣтники и рощи. Рѣки приведены были издалека вЪ сей волшебный мірЪ, изЪ ничего произшедшій; ихЪ принуждаютЪ удивительными гидравлическими машинами оживлять бросаніемЪ и стремительнымЪ воды теченіемЪ, сады и рощи, Алабандою устроенныя на воздухѣ. Среди всѣхЪ сихЪ многочисленныхЪ твореній, возвысилось истинное жилище волшебницЪ; мраморЪ, аспидЪ и порфира были употребительнѣйшія при строеніи онаго вещи; а рукодѣлія Индійскія, Китайскія, и Японскія были истощены на его украшеніе. Окружающіе его сады гордились прекраснѣйшими всея земли произрастѣніями, раздѣленными сЪ такимЪ порядкомЪ, что на всякомЪ взойденномЪ холмѣ мнили находиться вЪ новомЪ климатѣ. Прекраснѣйшія и самыя рѣд-

 кія

кія птицы изЪ всѣхЪ четырехЪ странЪ свѣта обитали вЪ сихЪ чудныхЪ мѣстахЪ, которыя онѣ оживляли своимЪ различнымЪ крикомЪ, и безчисленными пѣснями природными или искуствомЪ производимыми. Среди неизсчетныхЪ малыхЪ рощицЪ, кЪ сему волшебному замку надлежащихЪ, искуствомЪ произведенный ОкеанЪ заключалЪ вЪ себѣ всѣхЪ водныхЪ жителей; онЪ былЪ великое озеро, коего стремящіяся на мраморЪ волны были часто покрываемы малыми вызолоченными кораблями, гораздо превосходящими вЪ изяществѣ и вЪ блестящихЪ украшеніяхЪ томЪ флотЪ, на коемЪ Клеопатра вЪ первый разЪ прельстила владѣтеля половины вселенныя. Описаніе, кое приказала Алабанда сдѣлать чудесамЪ сего мѣста, названнаго по своему имени, составило многія превеликія книги; и самое умѣренное того оцѣненіе, во что стали сіи чудеса, превзошло вЪ двое годовые доходы все-

всего Шешіанскаго государства; что надежно дѣлало невѣроятную сумму. Любопытство привлекло туда безчисленное множество чужестранцевъ; но выгода, получаемая отъ того государствомъ, была токмо слабымъ возмѣздіемъ утратъ, понесенныхъ отъ дурачества прекрасныя Алабанды. Безчисленное множество поселянъ отторжено было отъ земледѣлія, что бы стараться, какъ поденщикамъ, о скоромъ исполненіи того дѣла, которое нетерпѣливое ея честолюбіе желало зрѣть въ своихъ глазахъ совершающимся. Нѣкоторыя провинціи нашлися чрезъ то въ безпорядкѣ, а иныя приведенными въ бѣдность; цѣна на хлѣбъ возвысилась чрезмѣрно; сокровище всенародное было знатно изчерпано, доходъ слѣдующаго года умаленъ, и государство обременено превеликими долгами, *которыхъ большая часть обогатила чужія земли*, потому что долгимъ употребленіемъ изпорченный вкусъ своенравныя Алабанды не находилъ

 ни-

ничего вЪ своемЪ государствѢ довольно хорошаго, хотя всѢ искуства вЪ ШешіанѢ и процвѢтали.

По нещастію для народа, едва сія любимица успѢла окончать сіе дѢло, какЪ неизчерпаемое ея воображеніе возмечтало ужѐ о другомЪ, которое по неограниченному угожденію ея любовника, было исполнено столь же скоро и сЪ толь же малымЪ разсужденіемЪ о обстоятельствахЪ, вЪ коихЪ находилось государство. Ужѐ во второе лѢто, препровожденное ею сЪ ЦаремЪ вЪ АлабандѢ, примѢтила она, что зданіе было весьма обширно, сады перемѢшаны и *перегружены*; и однимЪ словомЪ, все было нѢкоторымЪ родомЪ *смѢшенія*, гдѢ природа была прикрываема *личиною* искуства, и удрученное око терялось вЪ необЪемлемой многоразличности. По сему разумному примѢчанію, приказано было построить другій увеселительный домЪ вЪ одномЪ изЪ прекраснѢйшихЪ мѢстЪ государства.

ТамЪ,

Тамъ, въ тѣснѣйшемъ пространствѣ, прекрасная Алабанда, съ помощію нѣсколькихъ придворныхъ стихотворческихъ умовъ, старалась о торжествѣ природы надъ трудными усиліями искуства. Природа, со всѣми своими прелестями, явилась тамъ въ легкомъ одѣяніи нимфы, или въ прелестномъ безпорядкѣ такія красавицы, которая надѣется быть нечаянно обрѣтена своимъ любовникомъ. Правда, что и во снѣ не можно было видѣть пріятнѣйшаго мѣста; но столько стоило сіе торжество природы надъ ея соперницею, что принуждено было выдумать какій нибудь видъ, для возложенія на подданныхъ новыя подати. Такимъ образомъ, мало по малу, Шешіанъ наполненъ сталъ великолѣпными зданіями развратнаго изобрѣтенія сея любимицы. Предприниматели и нѣкоторые художники, къ сему употребленные, не столько ради превосходства своихъ дарованій, сколько по представленіямъ

ямъ и пронырствамъ двора, нашли безъ прекословія тамъ себѣ хлѣбъ. Нѣкоторые стихотворцы, которымъ давали *десятую часть изъ доходовъ Комисара придворныя кухни*, и которымъ платили за сочиненіе одъ на все, что дворъ дѣлалъ или намѣрялся дѣлать, возглашали въ своихъ стихахъ *чудеса сего златаго вѣка*. Но провинціи, очевидно приходили въ слабое и худшее состояніе, и народъ твердо надѣялся, что вскорѣ онъ походить будетъ на *Виртуозо*, который, отъ малыя ошибки въ изчисленіи, умираетъ съ голоду въ великолѣпныхъ недавно построенныхъ палатахъ, среди великаго собранія картинъ, статуй и древностей.

Нурмагаль остановилась нѣсколько въ семъ мѣстѣ, увидя, что Султанъ углубился въ свои размышленія. Вдругъ сей Государь, пришедъ въ себя, оборотился къ Данишеменду. Не думаешъ ли ты, Данишемендъ, спросилъ его Шах-Жебалъ, что бы Султаны моя собратія, отказались

лись отъ многихъ своихъ дѣлъ, естьли бы они имѣли такого *друга*, который бы былъ довольно честный человѣкъ, что бы имъ сказывать истинну?

Можетъ быть такъ, отвѣчалъ Данишемендъ, пожавшись непримѣтно плечами. . *Можетъ быть также и нѣтъ*, . . . проворчалъ онъ наконецъ въ полрта.

А по чему нѣтъ? спросилъ Султанъ?

Государь, отвѣчалъ Философъ, желаете ли Ваше Величество, что бы я сказалъ вамъ истинну?

По учиненномъ мною теперь примѣчанiи, сей вопросъ напрасенъ, отвѣчалъ Султанъ.

И такъ я говорю, что по крайней мѣрѣ, трое могутъ спорить противу одного въ томъ, что большая часть Султановъ не сдѣлали бы ни больше ни меньше того, сколько имъ угодно, когда бы имѣли другомъ Конфуцiя или самого Зороастра. Ибо, . . положимъ, на примѣръ, что бы Азоръ

имѣлъ подобнаго друга, то все бы зависѣло отъ знанія, *дѣлать въ пристойное время свои предложенія.* Самомалѣйшее обстоятельство, маленькій туманъ въ воздухѣ ли то или въ мозгу его высочества, или небольшая тяжесть въ его желудкѣ, легкая размолвка, которую за часъ предъ тѣмъ имѣлъ бы онъ съ своею любовницею, сновидѣніе или другая какая малость, прервавшая его сонъ, худый нравъ его обезьяны, или болѣзнь большія его Дацкія собаки, . . одного изъ сихъ обстоятельствъ при тысячѣ другихъ такія же важности, довольно для уничтоженія дѣйствія наилучшаго представленія. Но положимъ, что другъ нашелъ удобное время, то сколь легко ему можно, при самыхъ чистѣйшихъ намѣреніяхъ, не имѣть способности или щастія къ доставленію своимъ представленіямъ надлежащаго успѣха въ рѣшителное время? Сколь легко одно нечаянно произнесенное слово можетъ опро-

вер-

вергнуть дѣйствіе двапцати разсужденій, исполненныхъ мудрости? Положимъ еще, что ему удастся произвести въ своемъ Государѣ желаемое мнѣніе, то есть ли что нибудь легче, какъ видѣть истребленіе онаго, четверть часа послѣ, *противными примѣчаніями другаго благоумышленнаго подданнаго*, . . . или однимъ взглядомъ, а въ случаѣ нужды, и искусными слезками другія Алабанды? Я представляю, на примѣръ, что она входитъ въ кабинетъ своего Султана, точно въ то время, какъ скоро вышелъ великодушный его другъ, коему даемъ довольно смѣлости и усердія дѣлать представленія, именемъ народныхъ дѣлъ, противъ новаго дорогаго своенравія, отъ котораго воображеніе прекрасныя любимицы лишь только разрѣшилось.

„Я пришла (говоритъ она съ „изъявленіемъ радости, изливаю„щей на лице ея лучезарныя пре„лести) я пришла представить Ва„шему Величеству нѣкоторыя намѣ-

реніа,

„ренія, дабы узнать, которое вамЪ „лучше понравится, и дабы пред„пріять оное вмѣсто образца нова„го амфитеатра, о которомЪ мы „недавно говорили.

„ПосмотримЪ, сударыня, ска„залЪ СултанЪ сЪ нѣкоторою хо„лодностію, которую онЪ хотѣлЪ „скрыть отЪ себя самого и отЪ сво„ея любовницы.

„Онѣ дѣйствительно всѣ хороши; „но какЪ вамЪ кажется это? Призна„юсь, чтобы я его предпочла, есть „ли бы отЪ меня зависѣло выбрать. „Ничего не можно выдумать болѣе „и величественнѣе; исполненіе было „бы достойно временЪ Вашего Ве„личества, которыя, толикимЪ мно„жествомЪ неподражаемыхЪ дѣлЪ, „приведутЪ вЪ удивленіе самое от„даленнѣйшее потомство.

„Но, любезная Султанша . . .

(Здѣсь Алабанда кидаетЪ на Султана внимательный взорЪ, смѣшенный сЪ нѣкоторымЪ удивленіемЪ.)

Я мучусь. . .

„Что

„Что такое, любезный Сул-
„танЪ? Вы мнѣ не кажетесь столь
„совершенно веселымЪ, какЪ когда
„вы сего утра меня оставили?

„Я не могу преодолѣть себя,
„что бы вамЪ не показать моего
„отвращенія кЪ тому, что дѣлаетЪ
„вамЪ удовольствіе, однако. . . .

„Я васЪ не понимаю, Государь,
„изЪяснитесь; не довольно ли я не-
„щастна, что желаю такія вещи,
„которая можетЪ быть вамЪ про-
„тивна?

„Свирѣпая Алабанда! Отло-
„жилЪ ли бы я, хотя на единый
„мигЪ, повергнуть кЪ ногамЪ тво-
„имЪ цѣлый свѣтЪ, ежели бы я
„былЪ онаго обладатель?

„Простите моей нѣжности на-
„чало робкаго сомнѣнія, кричитЪ
„женщина ласкательнымЪ голосомЪ,
„и сЪ тѣмЪ очаровательнымЪ
„воззрѣніемЪ, коего дѣйствіе чув-
„ствуетЪ любовникЪ во всѣхЪ самома-
„лѣйшихЪ частяхЪ своего существа, . .
„ухватясь слабо прекрасными сво-
„ими руками за плеча. „Сул-

Султанъ. . . . положимъ то, съ позволенія Вашего Величества, сколько возможно, столько храбрый. . . . дѣлаетъ движеніе для избѣжанія ея ласки, какъ чувствуя, что она не заслуживаетъ оныя, смотритъ на нее нерѣшительнымъ взоромъ, и наконецъ произноситъ, съ нѣкоторымъ смятеніемъ, другое *но* . . . . . . „ *но*, красавица моя, „ сколько ты думаешъ будетъ стоить исполненіе сего предпріятія?

„ Бездѣлицы, Государь; *двухъ*, „ *или по крайней мѣрѣ трехъ миллiоновъ унцій серебра* (*).

Ме-

(*) Не можно заподлинно сказать, по недостатку надежныхъ записокъ, щитали ли Шешіане деньги унціями серебра, подобно Китайцамъ, или употребляли золотыя и серебреныя монеты. По крайней мѣрѣ не находится Шешіанскія монеты, сколько извѣстно, ни въ одномъ Европейскомъ кабинетѣ рѣдкостей. По видимому Китайскій переводчикъ, для лучшаго понятія своимъ одноземцамъ, привелъ способъ Шешіанскаго изчисленія сере-

Меня увѣряютъ, что исполненіе самого домостроительнаго плана стоить будетъ гораздо болѣе; и признаюсь, что разныя необходимыя нужды моихъ земель. . . . . .

„Необходимыя нужды? . . . .
„Кричитъ она печальнымъ голо-
„сомъ и съ удивленнымъ видомъ.
„Возможно ли, чтобъ былъ кто ни-
„будь столь неразуменъ, да бы
„возмутить покой моего любезнаго
„Султана столь невѣроятными увѣ-
„домленіями! Всѣ провинціи про-
„страннаго вашего владѣнія блажен-
„ны, и не имѣютъ другаго жела-
„нія какъ токмо, чтобъ быть все-
„гда управляемымъ вами лучшимъ
„изъ Государей. Но хотябъ и имѣло
„государство чрезвычайныя надобно-
„сти, то вы не можете сомнѣвать-
„ся, чтобъ вашего сокровища было
„недовольно на исправленіе оныхъ,
„такъ

серебра въ Китайскій; и мы держались того же, понеже онъ есть способнѣйшій изъ всѣхъ щетовъ.

Примѣчаніе Латинскаго Переводчика.

„ такъ что нѣтъ нужды сбере-
„ гать малое число, которое над-
„ лежитъ употребить на забавы
„ Вашего Величества и украшеніе
„ столицы вашего государства?„

Но, любезная Алабанда, сколько сотъ тысячъ могу я учинить щастливыми сею бездѣлицею, когда вы называете бездѣлицею, нѣсколько милліоновъ?

„ Простите мнѣ, любезный Сул-
„ танъ, я не могу выпти изъ удив-
„ ленія; я вижу, что есть такіе
„ люди, которые почитаютъ за ни-
„ что во зло употреблять ваше
„ добросердечіе. Кто бы могъ вамъ
„ сказать, что Государь долженъ
„ давать милліоны на содѣланіе ща-
„ стія убогихъ тунеядцовъ и леже-
„ боковъ просящихъ милостину? Но
„ я довольно понимаю, что тамъ
„ есть нѣчто сокровенное: это не раз-
„ ходы, но совершенно содержаніе,
„ надлежащее до нѣкоторыхъ людей.
„ Но пусть такъ будетъ: не ста-

„ немъ

„ немЪ болѣе думать о амфитеатрѣ.
„ Прекрасный пагодЪ. . . .

Мы совсѣмЪ не хотимЪ думать о строенiи, Алабанда.

„ Я довольно нещастна, что
„ нынѣ не могу ничего такого ска-
„ зать, что бы достойно было Ва-
„ шему Величеству понравиться.

Сколько ты чувствительна, Алабанда!

„ Не чувствительна, но весьма встре-
„ вожена сдѣлавЪ толь печальное
„ открытiе. АхЪ! АзорЪ, кЪ че-
„ му такое притворство? КЪ чему
„ такiя околичности? Почто не
„ открываете вы мнѣ вдругЪ всего
„ моего нещастiя?

Ты меня удивляешь, Алабанда; откуда у тебя берутся такiя мнѣнiя, красавица моя?

„ Какая холодность! возможно
„ ли бы было вамЪ толь мало чув-
„ ствовать, читая вЪ глазахЪ мо-
„ ихЪ мятущую меня тоску, еже-
„ ли бы страхЪ мой не былЪ доволь-
„ но основателенЪ? АхЪ АзорЪ. . . „

(Здѣсь

(Здѣсь упадаетъ она на софу, въ показующемъ отчаяніе положеніи.) „Увы! я не„щастнѣйшая изъ всѣхъ женщинъ! „Я утратила ваше сердце. Другая „гораздо щастливѣе„... Здѣсь теряетъ она свой голосъ; слезы текутъ изъ томныхъ ея очей, прекрасная грудь ея съ трудомъ воздыхаетъ и производитъ повторяемыя біенія. Азоръ возтрепетавъ, тронувшись и весьма ослабѣвъ, вдругъ забываетъ всѣ представленія и изчисленія своего друга; онъ видитъ токмо въ слезахъ свою Алабанду. Бѣжитъ къ ней съ отверстыми объятіями. Какія представленія, какія изчисленія могутъ устоять противу сихъ взоровъ, сихъ слезъ, сея груди? Онъ повергается къ ея ногамъ, говоритъ, и дѣлаетъ все то, что умоизступленный любовникъ можетъ говорить и дѣлать, для успокоенія отчаянныя любовницы. Тогда не токмо шесть милліоновъ, но и шесть сотъ милліоновъ представляются въ глазахъ его бездѣ-

ли-

лицею. . . . Пріятнѣйшее примиреніе слѣдуетъ по сей малой ссорѣ (безъ большаго сопротивленія, кромѣ того, которое женщина почитаетъ нужнымъ для возвышенія цѣны онаго). Алабанда утвердилась въ сердцѣ нѣжнаго Султана; амфитеатръ построенъ; а бѣдный другъ (по долгомъ сопротивленіи съ стороны своего друга Государя) сталъ жертвою, какъ бы справедливость того требовала, отмщенія слезъ, помрачившихъ его проступкомъ прекраснѣйшія глаза въ свѣтѣ.

Что скажете вы о семъ новомъ дарованіи друга нашего Данишеменда? Сказалъ Шах-Жебалъ прекрасной Нурмагалѣ, съ притворнымъ удивленіемъ . . . въ самомъ дѣлѣ отвѣчала она, онъ непосредственное имѣетъ дарованіе играть комедію не приготовясь. И есть ли бы мнѣ позволено было сдѣлать предложеніе, то бы я учинила такое, чтобъ сдѣлать его надзирателемъ надъ Делійскими зрѣлищами, вмѣсто того, чтобъ

поручить ему смотреніе надЪ Дервишами.

Оба очень хорошо могутЪ бытЪ вмѢстѢ, примолвилЪ СултанЪ. Не надобно оставлять безполезными дарованій какого нибудь человѢка; онЪ можетЪ самЪ оныя употребить; есть ли отЪ него многаго потребуютЪ. Но безЪ шутокЪ, ДанишемендЪ, повѢсть о изступленіяхЪ, вЪ которыя приводила Принцесса Алабанда твоего бѢднаго Азора, родила во мнѢ такое мнѢніе, которое, какЪ надѢюсь, получитЪ одобреніе отЪ твоея философіи. Я думаю, что бы я могЪ сдѢлать знатный подарокЪ моимЪ подданнымЪ, естьлибЪ приказалЪ сломать три или четыре изЪ излишнихЪ моихЪ увеселительныхЪ замковЪ, и когда бы раздѢлилЪ между ими для пашни, великіе сады, лѢса и звѢринцы, принадлежащіе онымЪ.

Государь, сказалЪ Данишемендъ, сЪ веселымЪ видомЪ (ибо при всей своей философіи, зналЪ онЪ

свѢт-

свѣтское обхожденіе, дабы дать вольное теченіе понуждающему его желанію къ смѣху), одно такое мнѣніе принесло бы добросердечію Вашего Величества премногую честь, хотя бы оно осталось безъ исполненія, потому. . . .

Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ Государь; прервавъ рѣчь его, сего не будетъ; надобно его исполнить; ибо къ чему полезно такое мнѣніе, которое остается токмо проспымъ умозрѣніемъ? Я весьма мало безпокоюсь о томъ, много или мало оно принесетъ мнѣ чести; я люблю моихъ подданныхъ; представляю себѣ ту радость, которую могъ бы сдѣлать безчисленнымъ семействамъ, и признаюсь вамъ чистосердечно въ своей слабости; я не могу противиться сему представленію.

Милая слабость! вскричала прекрасная Нурмагаль, прижимая къ губамъ своимъ руку его Величества.

Надлежитъ токмо, продолжалъ Султанъ, знать, которыя между

многимЪ числомЪ, изЪ коего могу я выбрать, должны быть пожертвованы? По правдѣ сказать, нѣтЪ изЪ нихЪ ни одного, который бы не имѣлЪ свойственныя себѣ красоты.. Но... Мы не опредѣлимЪ сего нынѣ. Добрая ночь, дѣти мои!... ДанишемендЪ, я хочу, чтобЪ первая комедія, которую станутЪ играть вЪ моемЪ присутствіи, была твоего сочиненія.

Молодый Мирца, которому приказано было быть готову на другій день по утру, при разсвѣтѣ дня, вступить сЪ СултаномЪ вЪ его тайное путешествіе, препроводилЪ сію ночь сЪ своею маленькою *любопницею*, которую онЪ содержалЪ вЪ прекрасномЪ *маленькомЪ домикѣ*, вЪ одномЪ изЪ предмѣстій ДелійскихЪ. Время показалось ему у нея толь коротко, что онЪ началЪ дремать вЪ то время, когда надлежало ему встать; однимЪ словомЪ, онЪ позабылЪ толь совершенно о порученномЪ себѣ отЪ Султана дѣлѣ, какЪ бы никогда о томЪ и не слыхалЪ; и былЪ тѣмЪ щастливЪ,

что

что Султанъ помнилъ объ ономъ столь же мало. Правда, что его Свѣтлость имѣлъ столько сего рода мнѣний, что было бы смѣшно думать, что онъ говорилъ въ истинну. Послѣднее намѣренiе, съ которымъ онъ заснулъ, подобныя бы же имѣло слѣдствiя, когда бы Шах-Жебалъ могъ согласиться самъ съ собою и съ своимъ тайнымъ совѣтомъ, чтобъ рѣшить, которые изъ его увеселительныхъ замковъ долженствовали быть пожертвованы. О семъ дѣлѣ говорили столь долгое время, что наконецъ не имѣли ужѐ ничего объ немъ сказать: тогда перестали весьма существенно о немъ говорить. Все осталось по прежнему. Шах-Жебалъ не меньшее отъ того имѣлъ удовольствiе, чтобъ приносить своему сердцу честь немалаго великодушiя, *котороe онъ учинилъ по мнѣнiи.*

Изобрѣтательное воображенiе и расточительный нравъ прекрасныя

Алабанды, продолжала Нурмагаль, были бы ужѐ довольны къ истощенiю доходовъ государства Шешiанскаго, когда бы оные и несравненно были больше. Но вельможи, казначеи и весь многочисленный родъ любимцевъ (ибо всякiй любимецъ имѣетъ также своихъ собственныхъ) тратили въ то же самое время толь знатныя суммы, что самого удвоенiя первыхъ податей, которыя не взирая на государское слово, съ начала войны всегда продолжались, не доставало на толь чрезвычайныя издержки. Такимъ образомъ принуждены были установлять всякiй годъ новые зборы подъ разными видами. И какъ правленiе ни о чемъ столь мало не помышляло, какъ о поданiи трудолюбивой и полезной части народа, то есть самой бѣдной, ободренiя и нужныхъ вспоможенiй, дабы она могла отвратить толь великiя суммы плодовъ и рукъ своихъ, то легко можно понять, что весьма малое число лѣтъ потребно было для учине-

нiя

нія слѣдствій толь худаго правленія чувствительными, дабы каждаго, который только нѣкоторымъ образомъ способенъ былъ проникнуть цѣлое дѣйствительныхъ обстоятельствъ, исполнить задумчивыми предчувствованіями о приближающемся паденіи государства.

Но что наичувствительнѣйшимъ оскорбляло образомъ пекущихся о всенародномъ благѣ, то было удивительное равнодушіе двора, въ такихъ случаяхъ, которые повергали цѣлыя провинціи въ наиплачевнѣйшее состояніе. Въ нѣкоторыхъ, на примѣръ, разлитіе извѣстныхъ рѣкъ, причиняло отъ времени до времени ужаснѣйшія раззоренія: въ другихъ худая жатва навлекала, по недостатку предусмотрѣнія и благоустройства, голодъ и болѣзни, учинившія цѣлые уѣзды гробомъ нещастныхъ ихъ обитателей. Половины тѣхъ издержекъ, которыя употреблялись на обыкновенныя и сверхъобыкно-

венныя веселіи двора, во время сего общенароднаго бѣдствія, довольно бы было для предупрежденія всего бѣдствія (*), коего зрѣлища нѣжныя чув-

(*) Сіе слово *предупрежденіе* важное имѣетъ знаменованіе, и мы весьма его представляемъ великимъ людямъ, чтобъ въ случаѣ разсуждать объ ономъ. Есть ли (какъ говоритъ божественный нашъ Конфуцій) они поспѣшаютъ помогать въ сихъ злоключеніяхъ, коихъ человѣческая мудрость предвидѣть не можетъ, то дѣлаютъ все, чего отъ нихъ въ подобныхъ случаяхъ, требовать можно; но есть множество нещастныхъ приключеній, которыя угадываются; такихъ золъ, кои надежно предсказать можно, потому что онѣ суть необходимыя слѣдствія собственныхъ нашихъ погрѣшностей, или нерадѣнія. Искать въ оныхъ врачеванія тогда, когда они учинили большую часть своихъ опасныхъ дѣйствій, есть поступокъ правленія, лишеннаго мудрости. Должность начальниковъ нашихъ есть предупреждать такія злоключенія; и мы для

чувства и сладострастное воображенiе Султана и его любовницы, ни минуты бы терпѣть были неудобны. Но ни Азоръ ни Алабанда не вѣдали, что сiи сто тысячь унцiй серебра, безумною роскошью расточаемыя на единое пиршество, составляли *цѣну хлѣба*, долженствующаго питать въ сей самый день двѣсти тысячь семействъ, есть ли бы оный безчеловѣчною жестокостiю, не былъ похищенъ отъ устъ сихъ людей, ослабленныхъ трудомъ, печалiю и бѣдностью, на истощенiе при празднествахъ, достойныхъ Сарданапала, тѣмъ, который приказывалъ себя называть ихъ общимъ отцемъ, или на раздѣленiя между собѣседниками и орудiями его буйствъ и жестокости.

Сiе мнѣнiе столь ужасно, вскричалъ Шах-Жебалъ, что я лучше бы

для сего токмо имѣемъ нужду въ начальникахъ.

Примѣчанiе Китайскаго Переводчика.

бы согласился опъ нынѣ быть Дервишемъ, или, какъ нѣкоторый Государь, сдѣлаться на семь лѣтъ воломъ и питаться травою, нежели долѣе оставаться Султаномъ, есть ли бы я имѣлъ причину думать, что бы я могъ находиться въ такомъ состояніи.

По толь выразительномъ объясненіи, было бы не только неучтиво, но дѣйствительно безчеловѣчно открыть доброму Султану, что онъ не однажды находился въ семъ случаѣ? Его единодушно увѣрили о противномъ, свидѣтельствуя ему ту благодарность, которую имѣли за сей новый опытъ его человѣколюбія. Потомъ Нурмагаль продолжала:

Добросердечный Государь Азоръ былъ весьма удаленъ отъ подозрѣнія о нещастномъ состояніи его провинцій. Его Визири предпринимали точныя мѣры, для препятствованія, что бы народныя жалобы не проникнули до его ушей. Онъ не видалъ

вкругъ

вкругЪ себя никого, кромѣ щастливыхЪ или такихЪ, кои казались щастливыми. Столичный его городЪ представлялЪ вмѣстилище великолѣпія и богатства всего свѣта, окрестности были земля очарованная, и самыя крестьянскія хижины носили образЪ изобилія и радости. Потоки злата и сребра лились отЪ всѣхЪ земель его государства вЪ столицу; но вмѣсто возвращенія кЪ своему источнику, по безчисленнымЪ извивающимся потокамЪ, и содержанія вЪ живой дѣйствительности, правильнымЪ обращеніемЪ всѣхЪ членовЪ великаго государственнаго тѣла, терялись они вЪ неисчетныхЪ малыхЪ ручьяхЪ; погружались вЪ бездонныя пучины, или испаряли на воздухЪ. Большая часть того, что прежде называлось *народнымЪ богатствомЪ*, обращалась тогда между *малымЪ числомЪ людей*, коихЪ кругЪ быстро она протекала: ей надлежало перемѣнять видЪ толь часто и толь многими образами, что количество отЪ

того находилось въ знатномъ умалении, по причинѣ того уменьшенія, кое оно претерпѣвало безпрестанно. Но задолго прежде, нежели могли оное усмотрѣть, худое состояніе государства представлялось очамъ тѣхъ, кои имѣли случай протекать оное отъ края до края. Степень бѣдности провинцій относился къ ихъ удаленію отъ столицы. При всякомъ дни путешествія видѣли умножающійся гладъ и наготу; всякій новый день казалъ худшее земледѣліе, землю меньше населенную, меньше благоправляемую, и всегда исполненную знакомъ нужды и утѣсненія; до тѣхъ поръ, что наконецъ невидно было со всѣхъ сторонъ, кромѣ ужасныхъ пустынь, отъ которыхъ Султанъ не получалъ другихъ выгодъ, кромѣ надежды устрашить иноплѣменнаго непріятеля единымъ на нихъ воззрѣніемъ, или, по крайней мѣрѣ, погубить его навѣрно гладомъ, прежде нежели возможетъ онъ проникнуть во внутренность государства.

Что

Что бы ничего не недоставало къ нещастію Шешіана, жрецы играли нѣкоторый родъ трагедокомическихъ представленій, имѣвшихъ опаснѣйшее втеченіе въ разумъ, нравы и внѣшнія обстоятельства народа.

Сіи слова̀ возбудили вдругъ вниманіе Султаново, который почти ужѐ заснулъ; онъ облокотился на лѣвую руку со всѣми знаками нетерпѣливаго ожиданія, изображенными на лицѣ его.

Ваше Величество не обманетесь, сказала Нурмагаль, есть ли ожидаете такихъ приключеній, которыя и того въ удивленіе приводятъ, кто къ онымъ бываетъ предуготовленъ.

Я ничего другаго не ожидаю, сказалъ Султанъ; и желаю толь нетерпѣливо знать продолженіе оныхъ, что предвижу, что ваше повѣствованіе поспособствуетъ болѣе лишить меня сна, нежели усыпить. Я весьма довольно примѣтилъ тѣхъ голу-

лубыхъ Бонзъ, о которыхъ госпожа Алабанда упоминала въ своемъ разговорѣ съ добросердечнымъ Азоромъ. Я не хотѣлъ прервать Данишеменда; но теперь когда вы сами пришли до сего предмета, то я надѣюсь точнѣе познакомиться съ голубыми Бонзами.

Напередъ я должна просить Ваше Величество объ одной вещи, отвѣчала Нурмагаль, чтобъ мнѣ сiю повѣсть позволено было оставить Данишеменду, коего познанiя въ сей части древнiя исторiи дѣлаютъ способнымъ совершенно удовольствовать ваше любопытство.

Весьма охотно, сказалъ Султанъ; и что болѣе, я позволяю ему входить во всѣ подробности, какiя ему угодно; ибо я ожидаю такихъ приключенiй, которыхъ самомалѣйшiе случаи важны для разсуждающаго.

Данишемендъ не имѣлъ никакiя причины отъ сего отговариваться. И такъ согласился на то доброхотно;

но; и мало помѣшкавъ, началъ онъ свое повѣствованіе слѣдующимъ образомъ:

Хотя, по моему мнѣнію, самый худый образъ правленія, и мало разумѣемый законъ всегда лучше, нежели *совсѣмъ никакій*: однако признаюсь всѣхъ охотнѣе, что не возможно народу, сколько бы впрочемъ ни велики были другія его выгоды, возвыситься до нѣкотораго степени совершенства, когда онъ имѣетъ нещастіе, быть подверженъ смѣшному учрежденію и пустому закону. Однако сіе было такій случай, въ коемъ обитатели Шешіана съ неопредѣленнаго находились времени. Слѣпота сего народа въ дѣлѣ толикія важности, была бы невѣроятна, естьли бы исторіи міра, въ древніе и нынѣшніе вѣки не представляли намъ толико идоламъ покланяющихся народовъ, которые столь же чувствительно предавались заблужденію, сколь и Шешіане. Древніе Египтяне подаютъ намъ примѣръ, который всѣ другіе

дѣлаетъ излишними. Удивленіе отнимаетъ у насъ языкъ, и дѣйствіе мыслей, слыша, что толь *разумный народъ* почиталъ за божескія существа или по крайней мѣрѣ за видимые образы божественныхъ существъ (*), обезьянъ, кошекъ, телятъ, крокодиловъ и морскій

(*) Индійскій сочинитель говоритъ здѣсь, послѣдуя господствующему мнѣнію, по которому имѣютъ не знаю какое рѣдкое понятіе о *премудрости Египтянъ*, для того, что сей народъ выключая Китайцевъ (*) былъ первый, который имѣлъ законы, вѣру и нравы. По сему положенію, безъ сумнѣнія, имѣютъ причину удивляться, какъ толь разумный народъ, могъ до такія

(*) Здѣсь обманываетъ можетъ быть нѣсколько честнаго Гіанг - Фю - Тсе его патріотизмъ. Китайцы (какъ доказалъ намъ великій знатокъ Египетскихъ древностей) должны были, такъ какъ Греки, своимъ благоустройствомъ и знаніями Египетскимъ поселеніямъ, или странственникамъ сего народа.
Примѣчаніе Латинскаго Переводчика.

скій лукЪ, со всѢми изступленіями фанатическаго почтенія (*). Не

 знаю,

кія дойти глупости. Но было ли бы совсѢмЪ справедливо такое заключеніе, ежели бы мы сказали, что тотЪ народЪ, который способенЪ боготворить телятЪ, обезьянЪ, крокодиловЪ и пр. не былЪ народЪ разумный, но весьма народЪ глупый? Тогда не имѢли бы болѢе причины удивляться; а многіе находятЪ толь великое удовольствіе, *когда могутЪ разинутЪ ротЪ дивиться.*

ПримѢчаніе Китайскаго Переводчика.

(*) ИскуснѢйшіе знатоки вЪ древностяхЪ ЕгипетскихЪ, со всею своею ученостію и проницаніемЪ, неосновательнѢе нашего имѢютЪ о нихЪ понятіе. ИхЪ положенія подвержены общему ученымЪ положеніямЪ заблужденію. Немного тому лѢтЪ, какЪ намЪ доказано, что Китайцы ведутЪ свое начало отЪ ЕгиптянЪ; нынѢ Г. де П. старается увѢрить насЪ „что ни тѢ отЪ сихЪ, „ни сіи отЪ тѢхЪ не происходятЪ„. И когда онЪ сіе и учинитЪ, однако мы получимЪ ту токмо пользу, что узна-

знаю, можетъ ли что быть поносънѣе для человѣчества, какъ та извѣстность, которая намъ остается, что не можно ничего вздумать толь глупаго и толь смѣшнаго, что бы не было почитаемо въ нѣкоторыя времена и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, знатнымъ числомъ людей за вещь истинную, важную и достойную почтенія. Но то несравненно хуже, что мы сами при всемъ презрѣніи, съ коимъ обыкновенно взираемъ на чужія дурачества, имѣемъ всевозможную причину думать, что мы на ихъ мѣстѣ, не были бы разумнѣе. Воспитаніе, примѣръ, привычка, природное высокомѣріе соединились бы въ насъ, равно какъ въ нихъ, къ окованію разсудка нашего и содѣланію справедливо нынѣ называемаго нами безуміемъ, предметомъ глубочайшаго наше-

узнаемъ въ томъ крайнее свое незнаніе; не вѣрить тому, по разсужденію мудраго Сократа, всегда большая выгода.

шего почтенія. КакЪ Египтяне сказали бы мы, что невозможность пріобрѣсти намЪ о всемЪ семЪ здравое понятіе, есть *священный мракЪ*, вЪ который не позволено глазамЪ смертныхЪ проникнуть (*). ОднимЪ словомЪ, есть ли бы мы, во времена древнихЪ обладателей Нила, рождены были вЪ МемфисѢ или ПелузѢ, то изЪ добрыя воли, или по принужденію, боготворили бы кошекЪ, крокодиловЪ и лукЪ; и сіе бы происходило вЪ то время, когда

(*) ДанишемендЪ, кажется здѣсь имѣетЪ предметомЪ славную надпись, которую читали вЪ СаисѢ вЪ храмѢ Изиды: „Я „есмь все, что есть, что было и что „будетЪ; и ни одинЪ еще смертный „не открылЪ завѣсы, меня покрывающія„. ВЪ семЪ случаѢ поступилЪ онЪ несправедливо, не догадавшись, что сія надпись представляетЪ намЪ высочайшій образЪ безмѣрнаго и непостижимаго величія природы, который токмо былЪ нѣкогда начертанЪ вЪ душѢ смертнаго.

гда бы намъ ничто толь противнымъ здравому разуму не казалось, какъ видѣть съ трепетомъ простертаго *Мавра*, призывающаго въ нуждахъ своихъ слоновый зубъ, или козлій рогъ, со всѣми знаками набожныя довѣренности (*). Сіе краткое введеніе

(*) Ежели кто сумнѣвается о истиннѣ удивительнаго суевѣрія Мавровъ къ своимъ *Фетишамъ* или богамъ хранителямъ, то онъ можетъ увѣрить себя во *всеобщей исторіи о путешествіяхъ*, и въ ученомъ описаніи, подъ заглавіемъ (*du culte des dieux fétiches*) *о богослуженіи богамъ фетишамъ*. Впрочемъ мы не можемъ опустить безъ примѣчанія сего разсужденія философа Дамишеменда. Онъ кажется неоспоримъ въ томъ, что всякій народъ, помѣщенный въ обстоятельства другаго народа, не былъ бы разумнѣе. Естьли сіе мнѣніе употребляютъ токмо на униженіе безстыдныя гордости нѣкоторыхъ народовъ о тѣхъ преимуществахъ, которыя менѣе всего суть произведенія собственныя ихъ мудро-

ніе показалось мнѣ, Ваше Величество нужнымъ, для укрощенія нашего раз-

мудрости, и на показаніе имъ, сколь взаимное вспоможеніе, принятое и внѣ сего вида, основано на естественномъ равенствѣ, то кажется, что оно должно быть помѣщено въ число тѣхъ истинъ, о которыхъ иногда напоминать полезно человѣкамъ. Но въ наши дни есть обычай дѣлать весьма худое употребленіе изъ тоя же самыя вещи, при помощи нѣкоторыхъ оборотовъ. Хотятъ изъ онаго вывести, что разные народы не имѣютъ другаго основанія своимъ вѣрояніямъ, по тому самому, что всѣ вѣры могутъ быть почитаемы за неважныя, или что разумному человѣку не приличествуетъ обязываться вѣрою, развѣ токмо сколько законы его земли или благопристойность того требуютъ. Сіи пагубныя положенія, которыя почти всегда составляли вѣру большія части свѣтскихъ людей, суть между тѣмъ необходимыя слѣдствія изъ разсужденій мудраго Данишеменда. Одна вѣра можетъ

быть истинна изъ всѣхъ прочихъ; убѣдительными опытами какъ внутренними, равно такъ и внѣшними, можетъ она носить необманчивые знаки божественнаго произхожденія; и какъ мы по Христіанской должности, можемъ утверждать, съ величайшею вѣрностію, *что нашъ законъ есть единъ, который укрѣпленъ всѣми сими свойствами*; то не токмо имѣемъ право, но и обязательство почитать всѣ другіе за ложные и достойные отверженія, по тому что они противны нашему. Есть ли мы, на примѣръ разсудимъ, что при обстоятельствахъ древнихъ Египтянъ, или нашихъ предковъ, преданныхъ идолослуженію и суевѣрію, мы были бы имъ подобны, то сія мысль не можетъ и не должна служить ни къ чему иному какъ токмо къ внушенію въ насъ сожалѣнія къ слабостямъ человѣчества, и снисхожденія къ тѣмъ, которые подвержены заблужденію и обману. Сіе должно напомнить намъ, что мы не превосходству просвѣщенія на-

шего должно въ насъ возбуждать разумное снисхожденіе, безъ котораго весьма немного обитателей земныхъ могутъ утвердить свое требованіе на титло благоразумнаго существа.

Господинъ Данишемендъ, сказалъ Султанъ, что сдѣлано, тому такъ и быть; надобно онаго придержаться; хотя по довольномъ разсмотрѣніи, могли бы вы и поберечь такое разсужденіе. Ибо наконецъ оно насъ не иному чему научило, какъ токмо, что всѣ живущіе подъ луною, бываютъ иногда нѣсколько лунатиками, и что вороны не выклевываютъ глазъ другъ у друга,

 какъ

нашего, но единственно благости божеской обязаны тою пользою, что имѣемъ чистѣйшее познаніе о всевышнемъ существѣ, и (какъ говоритъ С. Павелъ) разумнѣйшее богослуженіе паче другихъ толико многихъ народовъ земли.

Примѣчаніе Латинскаго Переводчика.

какъ говаривалъ Царь Дагобертъ. И такъ оставь сіе, и принимайся за дѣло!

Докторъ, повинуясь сему приказанію, продолжалъ такимъ образомъ:

ИЗДАТЕЛЬ КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Выпуски, благосклонный читатель, суть весьма обыкновенная вещь во всѣхъ познаніяхъ человѣческихъ, а особливо въ историческихъ повѣствованіяхъ, и вамъ не должно удивляться, есть ли найдете изъ оныхъ одинъ въ повѣствованіи Философа Данишеменда. По справедливости, мы того не скрываемъ, сей выпускъ великъ.

Онъ не можетъ быть изъ числа̀ тѣхъ, которые ученые обыкновенно называютъ *hiatus in manuscriptis*. Рукопись, изъ которыя почерпнули мы исторію о Шешіанѣ, вся передъ нами находится; зависитъ токмо отъ насъ издать оную столь полну, сколь Латинскій переводчикъ оную составилъ.

Можетъ быть мы обманываемъ любопытство многихъ читателей прямо въ такомъ мѣстѣ, гдѣ они наименѣе простить намъ то намѣрены. Мы не имѣли бы затрудненія пустить въ свѣтъ безъ недостатка исторію о законѣ древняго Шешіана, и о тѣхъ перемѣнахъ, которыя онъ претерпѣлъ подъ нѣкоторыми изъ своихъ Государей, ежели бы примѣръ Латинскаго переводчика, и тѣ причины, коими онъ въ семъ поступкѣ извиняется, показались намъ довольными принудить насъ ему послѣдовать.

Онъ утверждаетъ; „что разумнѣйшіе люди думали о всей „древности, что наивеличайшая „услуга, которую можно оказать „*прапослатной пѣрѣ*, состоитъ въ „томъ, что бы снимать личину „суевѣрія и лицемѣрства, его „опаснѣйшихъ злодѣевъ, потому „что они принимаютъ на себя видъ „его друзей, и показывать ихъ въ „природной ихъ гнусности. По сему „то началу разумные и почтенные

„со

„ сочинители первыхъ вѣковъ христі-
„ анства, какъ то Лактанцій, Ар-
„ нобій, С. Августинъ и другіе опи-
„ сали яснѣйшимъ образомъ безумія
„ и обманы языческихъ священни-
„ ковъ, не подвергая себя опасности
„ соблазнить слабыхъ духовъ, от-
„ крывая наивеличайшія мерзости.
„ Они почитали сію опасность за
„ малое, случайное и неизвѣстное
„ зло, которое не могло сравниться
„ съ тѣми великими выгодами, ко-
„ торыми надѣялись они увѣрить
„ благочестіе и добродѣтель, от-
„ крывая сіи набожные обманы.
„ Правда, присовокупляетъ онъ, что
„ читатели, имѣющіе болѣе разума,
„ нежели различенія, могли бы най-
„ ти нѣкоторыя сходства; злоумыш-
„ ленные люди подумали бы, что
„ видятъ пустыя насмѣянія; но
„ ежели бы сей страхъ долженство-
„ валъ насъ останавлять, то какую
„ бы исторію, осмѣлился кто писать?
„ Всякая исторія справедливо описан-
„ ная, можетъ, въ нѣкоторомъ

смы-

„ смыслѣ, почтена быть сатирою;
„ я въ томъ не вѣрю и самымъ
„ разумнымъ и невиннѣйшимъ изъ
„ всѣхъ смертныхъ, чтобъ они по-
„ дали намъ истинное изображенiе
„ законовъ, нравовъ, мнѣнiй, и упо-
„ требленiй такихъ въ свѣтѣ наро-
„ довъ, какiе бы находились въ
„ Каппадокiи, Понтѣ, или Мизiи,
„ которые бы не были исполненны
„ насмѣянiй. „

Сiи и другiя подобныя причины Латинскаго переводчика, могли бы, можетъ быть, въ другое время, насъ убѣдить и обязать слѣдовать его примѣру. Но въ такомъ вѣкѣ, въ какомъ мы живемъ, не можно быть довольно осмотрительну въ дѣлахъ сего рода. Самомалѣйшiй поводъ, который бы мы подали легковѣрiю и злобѣ нашихъ современниковъ, давая злобными истолкованiями, удобопонятными наипосредственному разуму, ложное значенiе нашему слогу, поколебалъ бы въ очахъ нашихъ, тѣ добрыя впечат-

лѣ-

ленія, коихъ могли бы мы надѣяться безъ всякаго высокомѣрія, отъ сея повѣсти о Шешіанскихъ Государяхъ. Нынѣ ничего нѣтъ излишнѣе, какъ опровержение суевѣрія и лицемѣрства. Было такое время (всякій разумный человѣкъ того отрицать не будетъ), гдѣ могли пріобрѣсти себѣ достоинство, сражая противниковъ вѣры и общества. Но сихъ временъ больше не стало: другія излишества, несравненно опаснѣйшія въ своихъ слѣдствіяхъ, беззаконіе и злодѣйство, нечувствительно по землѣ разпространяются. Раззоряютъ тѣ почтенныя основанія, на которыхъ утверждается добрый порядокъ и покой человѣческаго общества. Подъ видомъ искорененія зла, по большей части, воображеніе старается, подъ кровомъ любомудрія, похитить у естества человѣческаго лучшую его подпору, а у добродѣтели сильнѣйшія ея побужденія. Въ подобной эпохѣ, любящіе благо человѣчества, не могутъ быть весьма

ма разумны; и сіе единое размышленіе заставило насъ думать, что мы немалую окажемъ услугу свѣту, утаевая главныя обстоятельства исторіи о законѣ Шешіанскомъ, нежели сообщая ему оныя.

Но чтобъ связь историческая онымъ не прервалась, за нужное мы почли, сообщить читателю перечень изъ повѣствованія Философа Данишеменда. По крайней мѣрѣ, онъ можетъ получить общее понятіе о порокахъ учрежденія древнихъ Шешіанъ въ разсужденіи сего, о томъ достоинствѣ, которое Султанъ Огулъ отъ нихъ пріобрѣлъ, и о раздорѣ, поколебавшемъ государство во владѣніе Азорово.

Шешіане, по примѣру Египтянъ и другихъ идоламъ служащихъ народовъ, покланялись обезьянѣ, какъ особливому своея страны богу. Подобно другимъ Асіатскимъ землямъ, Шешіанъ наполненъ былъ Бонзами, которыхъ главное упражненіе состояло

въ содержаніи ослѣпленнаго народа въ ужаснѣйшемъ помраченіи естественнаго свѣта, и въ такихъ суевѣріяхъ, кои для нихъ токмо были полезны. Между различными родами тѣхъ, которыя описываетъ Данишемендъ, довольно будетъ, есть ли мы упомянемъ о двухъ, коихъ учрежденіе показалось бы невѣроятно Европейцамъ, есть ли бы мы не были въ томъ увѣрены собраніемъ такъ названныхъ *благопримѣрныхъ писемъ* (*lettres édifiantes*) и перечнемъ отца дю Галда, что многочисленный народъ въ Татаріи и Китаѣ сохранилъ до нашихъ дней одно изъ сихъ двухъ суевѣрій. Первые, говоритъ Данишемендъ, назывались *Ia-Фаоу* или подражателями обезьяны: они отличались отъ другихъ Бонзъ показываемою строгостію, несвойственною наружностію, великою способностію приходить въ изступленіе, и невѣжествомъ, приличествующимъ скотамъ. Есть ли можно осмѣлиться повѣрить въ

томъ

шомъ непріятелямъ сихъ Іа-фаоу, то не было беззаконія, котораго бы они не творили безъ всякаго за то наказанія, подъ толстымъ холстомъ, которымъ прикрывали свою наготу. Ихъ обвиняли въ обманѣ, мщеніи, невоздержности и необузданномъ желаніи собственности Шешіанъ; пороки, которые они искусно умѣли скрывать, какъ увѣряютъ, подъ личиною простоты, честности и презрѣнія ко всему земному. Они питали, какъ сказываютъ, подъ видомъ глубочайшаго смиренія, несноснѣйшую гордость; суть мстительны и жестоки, показывая непреодолимую кротость; они суть общіе злодѣи всего человѣчества, съ видомъ невинности и добросердечія. Сіи обвиненія столь сильны, (продолжалъ Данишемендъ) что не можно совершенно имъ повѣрить. Но не льзя также и отрицать, чтобъ безполезность сихъ Іа-Фаоу не была самое малое опорочиваніе, какое токмо имъ дѣлать было можно. Они объявили не-

непримиримую войну всему тому, что называется разумомЪ, знаніемЪ, остротою, вкусомЪ и отонченіемЪ, и можно преимущественно приписать неутомимымЪ ихЪ стараніямЪ, что ШешіанЪ вЪ толико вѢковЪ не приложилЪ ни малѢйшаго старанія, для избавленія себя отЪ поношенія за толь противное человѢчеству невѢжество. Когда разсмотрѢть опасныя слѢдствія подобнаго дѢйствія, то должно бы было ихЪ еще благодарить, есть ли они желали оставаться вЪ крайней нечувствительности, хотя вЪ семЪ случаѢ не малаго стоило ихЪ и кормить, ибо при СултанѢ АзорѢ считали больше двѢнатцати сотЪ тысячь Іа-Фаоу, и они вообще были такіе люди, которые немалое чувствуютЪ кЪ ѢдѢ побужденіе. . . . . Непонятно, прибавилЪ ДанишемендЪ, что сіи Іа-Фаоу были вЪ одно время предметомЪ наиживѢйшаго почтенія и презрѢнія всенароднаго. ИхЪ засыпали безконечнымЪ множе-

стомъ смѣшныхъ сказокъ, въ прозѣ и стихахъ, въ которыхъ описывали ихъ нравы и самое ихъ состояніе, съ великою вольностію; говорили, писали на ихъ счетъ, опѣвали ихъ всенародно на улицахъ, какъ извергов рода человѣческаго. Безъ страха обвиняли ихъ во всѣхъ тѣхъ беззаконіяхъ, къ которымъ скитающаяся ихъ жизнь подавала случай имъ самимъ и ихъ непріятелямъ. Однимъ словомъ, кто бы при добрыхъ людяхъ, произнесъ ихъ имена, съ самомалѣйшимъ знакомъ почтенія, того почли бы дуракомъ; и при всемъ томъ многіе почитали святымъ тотъ прахъ, который Іа-Фаоу попиралъ своими ногами; въ то время, когда подлый народъ предавался съ рабскимъ повиновеніемъ ихъ власти во всѣхъ своихъ дѣлахъ, и когда многіе изъ нихъ ни о чемъ болѣе не помышляли, какъ токмо смотрѣть того, чтобъ та часть ихъ имѣнія, которая не была съѣдена при жизни

ихъ, сими почтенными людьми, не ушла отъ нихъ по ихъ смерти.

Я не могу, продолжаетъ Данишемендъ, не упомянуть еще о тѣхъ позволенныхъ тунеядцахъ, которыхъ учрежденіе, сколькобъ съ начала страннымъ ни казалось, разсуждаемое въ нѣкоторомъ видѣ, имѣло нѣчто общеполезное, которому поспособствовало оно вознестися выше другихъ родовъ Іа-Фаоу. Ихъ называли въ насмѣшку *плодоприносящими*; но они сами дали себѣ гордое имя *Камфагу*, то есть *цари мнѣній*, по причинѣ независимости, въ которой они находились. Хотя древнее предразсужденіе и приписывало имъ нѣкоторую часть правъ и знатности Іа-Фаоу, однако они кажутся больше сектою вольнодумцевъ, нежели настоящими Бонзами. Они имѣли много сходства, какъ въ своихъ положеніяхъ, такъ и въ своемъ родѣ жизни съ *Киниками* древнихъ Грековъ, съ послѣдователями Китайскаго *Лао-Кіунъ*, и съ наши-

ми *Календерами.* Они хотя жили на иждивенiи народа, какъ Iа-Фаоу; но платили за сiе множествомъ малыхъ дарованiй, которыми умѣли они дѣлать себя прiятными, и нѣкоторымъ образомъ почти нужными. Они забавляли знатныхъ своимъ разумомъ, а сами веселились народною легковѣрностiю. Вольность, которую состоянiе ихъ имъ подавало, смѣяться надо всемъ, и неизчерпаемое множество смѣшныхъ повѣстей и описанiй, доставляло имъ доступъ ко всему свѣтскому; и толь велика была сила одного вкоренившагося предразсужденiя, что посѣщенiе, сдѣланное по утру, какимъ нибудь Камфалу, пригожей женщинѣ, было почитаемо за неважное дѣло. Но Камфалу болѣе знали цѣну своихъ вольностей, нежели чтобъ ограничить себя однимъ только свѣтскимъ обращенiемъ; и когда они угождали знатной женщинѣ, лаская маленькую ея постельную собачку, и злословя ея соперницу, то вкрадывались

лись въ молодую крестьянку, обѣщая ей симпатическое лѣкарство, для укрѣпленія вѣрности мужа ея, или предсказывая ей по рукѣ, что она имѣетъ надежду быть вдовою разъ пять или шесть. Они знали премножество испытанныхъ средствъ на всѣ припадки, ... могущія случиться людямъ и скотамъ; они прекращали малыя ссоры между женатыми людьми, сродниками и сосѣдями; и мало было въ народѣ такихъ свадебъ, о которой бы не постарался какій Камфалу. Одно было неотмѣняемое правило ихъ Ордена, чтобъ не принимать въ оный ни единаго члена, который не доказалъ того мужественнымъ видомъ и цвѣтущимъ здоровьемъ, что онъ былъ сея чести достоинъ. Но что наибольше доставило имъ почтенія и выгодъ, то былъ разнесшійся слухъ, что они знали особливую тайну отъ неплодія. Увѣряютъ, что въ тѣ времена, когда роскощи, достигшія своего совершенства, про-

произвели плачевныя свои дѣйствія въ прекращеніи плодородія, то знатнѣйшія въ Шешіанѣ фамиліи обязаны токмо сохраненіемъ своего поколѣнія таинству Камфаловъ: достоинство, которое, по разсужденію политиковъ подало имъ толь сильное право на благодарность народную, что самъ великій Султанъ Тифанъ, уничтоживъ всѣ роды шатающихся Бонзъ, сохранилъ *плодоприносящихъ*, какъ людей оказывающихъ важныя государству услуги, и оставилъ имъ древнее ихъ право, жить въ праздности на иждивеніи тѣхъ, которые хотѣли добровольно быть ихъ благодѣтелями.

Я нахожу, сказалъ Шах-Жебалъ, сіе почтеніе Султана Тифана къ заслугамъ *плодоприносящихъ* тѣмъ похвальнѣе, что я увѣренъ, что наслѣдники, коихъ пріобрѣло ихъ помощію Шешіанское дворянство, приносили въ фамиліи здоровье гораздо крѣпче и кровь чище и слѣдовательно были способны сдѣлаться

произвожденіемъ *крѣпчайшаго* потомства. Но я бы удивился, есть ли бы Іа-Фаоу не имѣли по той же причинѣ права на снисхожденіе Султана Тифана.

Государь, отвѣчалъ Данишемендъ, строгая и устрашающая наружность, которую показывали сіи послѣдніе, кажется, похитила у нихъ отъ части случай къ оказанію своихъ услугъ первымъ людямъ въ государствѣ. Въ нихъ, по видимому, не недоставало желанія; но какъ они совсѣмъ изключены были изъ всего свѣтскаго, то были принуждены вкрадываться въ людей низкаго состоянія, гдѣ ихъ служба, по крайней мѣрѣ, въ разсужденіи государства, обращалась въ настоящую трату, и слѣдовательно не могла имѣть воздаянія.

Разсказавъ подробно о разныхъ родахъ Шешіанскихъ Бонзъ, о ихъ положеніяхъ, богослуженіи, волшебныхъ таинствахъ, о отвѣтѣ вели-

каго Пагода, а особливо о способахЪ, которыми они умѣли пріобрѣсти себѣ почти безпредѣльную власть надЪ душами и кошельками ШешіанЪ, начинаетЪ ДанишемендЪ повѣствованіе со всѣми обстоятельствами, и такое, которое бы другому а не Шах-Жебалу, смертельно наскучило, о нѣкоторыхЪ ссорахЪ, возставшихЪ между сими Бонзами, за весьма неважное дѣло. Малое участіе, принятое вЪ оныхЪ дворомЪ, подало случай народу кЪ раздѣленію себя на разныя части, которыхЪ возмущеніе возбудило наконецЪ наижесточайшую изЪ тѣхЪ междоусобную войну, какія токмо видали примѣрЪ. Паденіе государства было бы неизбѣжимо, примолвилЪ ДанишемендЪ, ежели бы по щастію сего несмысленнаго народа не пришелЪ для воспященія Огул-ХанЪ, и не принудилЪ своимЪ завоеваніемЪ сихЪ необузданныхЪ БонзЪ забыть о собственной ихЪ ссорѣ, да бы помышлять о общемЪ спасеніи.

 Из-

Изрядно! (вскричалъ Шах-Жебалъ,) здѣсь то я ожидаю добраго моего брата Огул-Хана. Я весьма любопытенъ слышать, что онъ могъ сказать о ссорахъ Шешіанскихъ Бонзъ; ибо, не взирая на все то почтеніе, которое я имѣю къ другимъ его качествамъ, онъ не сочтетъ за худо, есть ли я его себѣ представляю, какъ весьма посредственнаго Метафизика.

Ваше Величество, (отвѣчалъ Данишемендъ), простый природный разумъ, служащій путеводителемъ ему въ семъ дѣлѣ, провождалъ его надежнѣе, нежели бы самая высокая діалектика могла, можетъ быть, учинить. Татарская орда, которыя онъ былъ предводитель, наслѣдовала отъ своихъ предковъ весьма простую вѣру. Они не знали ни храмовъ, ни священниковъ; почитали невидимаго Владыку небесъ, думали, *что сіе существо любитъ добрыхъ, и исправляетъ злыхъ.* Мнили, что неразумно

есть

есть изображать божество. Ибо, говорили они въ своей простотѣ, есть ли бы захотѣлъ кто вырѣзать, самую *большую гору Кантель*, для его подобія, то бы и она была весьма ребяческое изображеніе величія такого Монарха, который въ единой рукѣ держитъ солнце, а въ другой луну. По сему мнѣнію, довольны они были имѣть во всякомъ домѣ, черную доску, повѣшенную на стѣнѣ, на которой написано было золотыми буквами: *хвала да будетъ Владыкѣ небесъ.* Они имѣли обычай сожигать всякій день нѣсколько ладону предъ сею доскою; тамъ то просили они Владыку небесъ, *что бы онъ благоволилъ сохранить душевное и тѣлесное ихъ здравіе.* Въ семъ состояло все ихъ богопочитаніе (*). И такъ они не могли иначе

(*) Смотри перечень изъ путешествій Марка-Паолы, во всеобщемъ повѣствованіи о путешествіяхъ, часть VII. стр. 472. Исповѣданіе Мантшеоукскихъ Татаръ съ симъ

че поступить, чтобъ не имѣть презрѣнія и омерзенія къ закону Шешіанскому. Огул-Ханъ, со всею своею властію, не могъ возпрепятствовать, чтобъ великое число пагодъ, въ первомъ жару, не было изтреблено. Правда, что и самъ сей Князь, казалось, не былъ другомъ суевѣрія, но весьма разуменъ въ требованіи, чтобъ и новые его подданные стали вдругъ столько же разумны, сколько онъ. Онъ зналъ, что власть его не простиралась до совѣсти и воображенія. Онъ вѣдалъ также и то, сколь опасно начинать государствованіе еще неукрѣпленное, покушеніями противу господствующія вѣры. И такъ онъ оказалъ себя весьма разумно и содержалъ въ своемъ покровительствѣ священниковъ Шешіанскихъ. Онъ обѣявилъ всенародно, что желалъ ихъ

симъ совершенно сходствуетъ, въ разсужденіи начала. См. дю Галда описаніе Китайскаго государства, ч. IV. стр. 37.

ихЪ защищать вЪ ихЪ правахЪ и выгодахЪ, и не предпринимать ничего противЪ ихЪ закона. ОнЪ исполнилЪ свое обѣщаніе.

Едва токмо Бонзы начинали наслаждаться тѣмЪ спокойствіемЪ, которымЪ одолжены были правленію сего разумнаго и добраго Государя, какЪ вспомнили о старыхЪ своихЪ ссорахЪ; и вдругЪ ударили со всѣхЪ сторонЪ тревогу. Но здѣсь прекратилось снисхожденіе Султана Огула. ОнЪ издалЪ указЪ, которымЪ было позволено всякому человѣку сказать свое истинное мнѣніе о предметахЪ ссоры; но вЪ то же самое время запретилЪ онЪ всякое оскорбленіе и всякія обиды; и чтобЪ придать своему запрещенію степень пристойныя важности, то грозилЪ приказаніемЪ бить по двѣсти разЪ палкою по пятамЪ всякого того человѣка, сколькобЪ онЪ знатенЪ ни былЪ, который бы осмѣлился смѣяться онымЪ надЪ другимЪ, по своему вЪ разсужденіи сего мнѣнію.

„Мнѣ-

„ МнѢнія о такихЪ вещахЪ, кото-
„ рыя не дѢлаютЪ человѢка пороч-
„ нѢйшимЪ, говорилЪ онЪ, не суть
„ ни дѢла до правленія касающіяся,
„ ни беззаконія; я никогда не
„ вмѢшаюсь вЪ глубокое оныхЪ раз-
„ смотреніе, а еще меньше попущу
„ себя кЪ преклоненію ихЪ наказы-
„ вать. Настоящія мнѢнія и снови-
„ дѢнія (*) должны быть свободны
„ вЪ

(*) Ежели можно подозрѢвать, чтобЪ простый Татарскій начальникЪ, каковЪ Огул-ХанЪ, упражнялся вЪ какомЪ нибудь чтеніи, то бы подумали, что онЪ смѣется Діонисію, Сиракузскому тиранну, приказавшему казнить Марсіаса, одного изЪ своихЪ государственныхЪ чиновниковЪ за то, что сей человѢкЪ видѢлЪ во снѢ, будто отрубилЪ тиранну голову. Смотр. вЪ Плутарх. *Жизнь Діонисіеву*, т. V. стр. 167. Лондон. издан. 1724 года. ПлутархЪ сея жестокости ту полагаетЪ причину, что Діонисій думалЪ, что МарсіасЪ не могЪ видѢть толь опаснаго сна, ежелибЪ не имѢлЪ такого же мнѢ-

„ въ моемъ государствѣ; и не над-
„ лежитъ никому препятствовать въ
„ разсказываніи его сна или въ объ-
„ явленіи его мнѣнія, когда онъ на-
„ ходитъ кого нибудь, охотно же-
„ лаю-

мнѣнія на яву; а Монтескіу находитъ, что сея причины (когда заключеніе, на которомъ онъ утверждается, было бы столько же справедливо, сколько оно мало находится) недовольно къ извиненію Діонисіева поступка. (Esprit des Loix) *разумъ законовъ* т. I. к. 12 г. 11. Что бы наказать сіе мнѣніе, говоритъ онъ, то должно ему совокуплену быть съ какимъ нибудь дѣйствіемъ, которое бы къ оному относилось. По чему Діонисій могъ знать, что Марсіасъ видѣлъ во снѣ? Онъ *разсказалъ свой сонъ*; и сіе показалось или злоумышленіемъ противу Государя, или степенемъ неразумія, которое Государь столь подозрѣвающій и столь боязливый, каковъ былъ Діонисій, долженствовалъ найти достойнымъ наказанія. Ему надлежало показать Сиракузскимъ жителямъ, что и во снѣ не можно было безъ наказанія покуситься на его особу.

„ лающаго его слушать. Одинъ спо-
„ собъ къ учиненію недѣйствитель-
„ ными сновидѣній и мнѣній, есть
„ оставить оныя свободными. Оставь-
„ те Шешіанскихъ Бонзъ изыски-
„ вать, сколько имъ хочется, былъ
„ ли въ ихъ большой обезьянѣ раз-
„ умъ или Оранг-Оутангъ, моремъ
„ ли или землею она пришла въ Ше-
„ шіанъ, или упала со хвоста ко-
„ меты. Когда сіе изыскиваніе ос-
„ тается частнымъ дѣломъ, и споръ
„ происходитъ съ умѣренностію, то
„ всеобщая тишина тѣмъ быть воз-
„ мущена не можетъ „ (*). Огул-
Ханъ долженъ былъ только склонить-
ся, изъ таковыхъ состязаній учи-
нить

(*) Есть случаи, въ которыхъ, съ позволеніемъ Султана, не можно не почитать умозрительныхъ понятій дѣлами государственными. Но тѣмъ больше тогда должно имѣть осторожности, что бы не воспалить пламени, желая погасить искру весьма великою силою.

нить государственное дѣло, есть ли онъ хотѣлъ видѣть въ нѣсколько лѣтъ все свое государство въ огнѣ.

Такъ то думалъ премудрый Огулъ, продолжалъ Данишемендъ, и по причинѣ сего образа разсужденія, заслужилъ онъ столпы въ честь себѣ. Но такая политика была не по вкусу Бонзамъ. Они захотѣли видѣть, исполнитъ ли онъ свое слово съ преступникомъ закона. Огулъ устоялъ точно въ своемъ обѣщаніи. Одинъ Іа-Фаоу, отвергшій всенародно, съ великою запальчивостію, мнѣнія нѣкотораго *Тюлпана*, причинившія до завоеванія великія движенія, и обьявившій послѣдователей сея системы недостойными освѣщенія солнечнаго и луннаго, вскорѣ получилъ на самой большой площади Шешіанской сумму двухъ сотъ ударовъ палкою по подошвамъ, всю сполна. И когда его крикъ и моленія возбудили въ народѣ колебаніе, то Огул-Ханъ приказалъ окружить ви-

 но-

новныхъ, коихъ было двѣ тысячи, своею Татарскою гвардіею, и повелѣлъ пятидесятаго, безъ уваженія къ особѣ того, на коего палъ жребій, повѣсить на вѣтьвяхъ одного большаго дуба, посаженнаго въ первомъ дворѣ великаго Пагода. Сей поступокъ правосудія былъ нѣсколько Татарскій; но онъ доставилъ много добра, ибо учинилъ Бонзъ сносными. Народъ кричалъ на тиранство; но Султанъ Огулъ о томъ не безпокоился; и въ короткое время народъ возчувствовалъ съ благодареніемъ, что строгостью, употребленною къ стату, избавилъ онъ его отъ величайшаго зла.

Поелику съ тѣхъ поръ, Бонзы не могли больше ругаться въ своихъ противословіяхъ, ниже чинить обиды своимъ противникамъ тайными или явными обвиненіями, то потеряли также и страсть высокомудрствовать и спорить, долгое время ихъ одержавшую. Они начали усматривать, что дѣлаются чрезъ

что у разумныхъ людей только смѣшными, и вздумали, что поступятъ разумнѣе, употребляя свои дарованія на соглашеніе Шешіанскаго закона съ добромысліемъ новыхъ своихъ Государей. Послѣдуя сему похвальному предпріятію, случилось, что между тѣмъ, какъ силились они объяснить свои положенія выгоднѣйшимъ образомъ, попали нечувствительно на одно преданіе весьма единообразное, которое становилось всегда яснѣе Татарамъ. И какъ въ тоже самое время, Камфалу, съ успѣхомъ трудились о обращеніи Татарскихъ краотъ, то чрезъ немногіе годы оказалось, что побѣдители, кромѣ Государя и нѣсколькихъ ему довѣренныхъ, приняли сея земли законъ, хотя не можно сказать сему довольныя причины. Но въ тоже самое время набожныя странствованія въ великій пагодъ чувствительно умалились. Изъ смѣшенія Шешіанскаго суевѣрія съ грубымъ Татарскимъ понятіемъ, про-

изошла смѣшенная система, которая, хотя не представляла новаго закона, но производила непримѣтно въ разумахъ сея земли, въ предразсужденіяхъ, обычаяхъ и нравахъ Шешіанскихъ, такую перемѣну, которую, съ нѣкоторымъ основаніемъ, можно назвать шагомъ къ поправленію. Но что наибольше по видимому къ оному способствовало, то была вольность упражняться въ художествахъ и словесныхъ наукахъ, которыя Огул-Ханъ позволилъ всѣмъ, имѣвшимъ къ тому охоту и способность. Ибо въ старину, такъ какъ у Египтянъ, сіе было изключительнымъ преимуществомъ жрецовъ. Въ продолженіе сорока или пятидесяти лѣтъ, увидѣли сѣдобородые Бонзы, что они находились въ новомъ свѣтѣ, которымъ не столь уже было легко управлять, какъ старымъ. Басни, которыми они прежде укрощали вопросы любопытныхъ, не обрѣтаемы были больше столько успоко-

ко-

хоителными какЪ прежде. Изысканія опытовЪ о томЪ, что люди называютЪ истиннымЪ, о естествѣ, концѣ, существенныхЪ правахЪ политическаго общества, и другихЪ вещахЪ подобныя важности, всякій день больше распространявшіяся, имѣли такія слѣдствія, которыя показали, что многое, почитаемое за истинну, нашлось ложнымЪ. И есть ли еще былЪ оказываемЪ остатокЪ почтенія кЪ тѣмЪ предметамЪ, которые не могли понравиться просвѣщенному разсудку, то оно походило на такое, какое обыкновенно бываетЪ кЪ картинѣ, сдѣланной вЪ младенчествѣ наукЪ: ее почитаютЪ не за то, что она хороша, но за то, что стара.

Не можно было того ожидать отЪ БонзЪ, что бы они сЪ равнодушіемЪ взирали на толь важную перемѣну. Они также приложили всевозможное свое стараніе кЪ возпрепятствованію видимому вреду, который успѣхи разума и людко-

сти причиняли имъ самимъ и ихъ пагодамъ. Но примѣтя, что послѣдния усилія ихъ искусства служили токмо къ украшенію торжества противника ихъ, разума, подверглись наконецъ своему жребію, и поступили подобно торгующему народу, который видитъ себя принужденнымъ продолжать нѣкоторыя отрасли торговли, хотя съ очевидною утратою, единственно для того, что бы не потерять всея своея торговли и не отказаться отъ надежды, возпользоваться случаемъ, для поправленія своихъ убытковъ чрезъ какое нибудь благосклонное обращеніе обстоятельствъ.

Одно изъ полезныхъ слѣдствій сего въ природныхъ Шетіанскихъ разумахъ возмущенія было то, что Бонзы устремились возвратить то личнымъ своимъ достоинствомъ, что съ другія стороны потеряли. Данишемендъ повѣствуетъ о семъ предметѣ, со многими особенностями; однако примѣчаетъ, что они не возмогли довольно того

скрыть,

скрыть, что желали бы лучше освободиться отъ пріобрѣтенія толикаго достоинства. Они выискивали, говоритъ онъ, съ величайшимъ вниманіемъ всѣ случаи и всѣ способы къ достиженію своего великаго намѣренія, сколько возможно съ меньшимъ убыткомъ. По ихъ щастію та легковѣрность, съ коею нѣкоторые начали употреблять во зло вольность тѣхъ времен, снабдила ихъ оружіемъ, которое могли они употреблять, подъ красивымъ видомъ, противъ своихъ непримиримыхъ непріятелей, *разума и просвѣщенія* (*).

(*) Исторія о необычайныхъ стараніяхъ, которыя Iамблихъ, Плотинъ, Порфирій и ихъ единомысленники употребляли, нѣкоторымъ безполезнымъ родомъ отчаянія, для вспомоществованія сокрушенному язычеству силою побѣдоносныя Христіанскія вѣры, есть совершеннѣйшій примѣръ, представляемый намъ исторіею, для изображенія свойства и поступка Шешіанскихъ Бонзъ въ

в подобном почти случаѣ. Чего не испытали бѣшеныя сіи головы, подвигшись страннѣйшим усердіем, для продолженія по крайней мѣрѣ послѣдних мгновеній умирающаго суевѣрія? Боговѣщалища, чудотворенія, возвращающіяся души, все, что было чрезвычайно, употреблено. Пиѳагор и Аполлоній были почтены за мужей божественных и Ѳеургов, для противоположенія их, с нѣкоторым видом великому основателю истиннаго закона. Все язычество было обновлено; утверждали, что самыя пустыя басни были токмо иносказательное прикровеніе высочайших истинн. Словом, дѣйствіе обмана и суевѣрія было перемѣнено в богомудріе, коего откровенія и обѣтованія бросали от себя ослѣпляющій блеск, и прельщали неосторожныя души видом божественнаго происхожденія. Мудрые Христіане, противополагающіе сим обманам разум, были обременены ненавистными именами вольнодумцев и безбожников.

ленія тиранскія философіи, тѣмъ всеобщимъ разсужденіемъ, по которому не дѣлаютъ совсѣмъ того употребленія, которое кажется она заслуживаетъ. Въ нравственной философіи, говорилъ онъ, статья, ограничивающая предѣлы красоты и гнусности, добра и зла, справедливости и несправедливости, есть весьма тонкая черта, чтобъ ежеминутно не убѣгать отъ невѣжества и легковѣрія, и чтобъ страсти не перескакивали ее безъ малѣйшаго труда. Оттуда происходитъ источникъ золъ, который не осмѣливаются заградить, когда бы то было и возможно. . . . Оттуда злоупотребленіе вещей, которыхъ разумное употребленіе полезно обществу. До нынѣ не найдено къ уврачеванію того, другаго способа

 кро-

ковъ. Словомъ, отчаяніе отважилось на все. Но тщетное суевѣріе, безуміе и философія поставили между собою союзъ, неимѣющій ничего естественнаго; восторжествовала истинна, и сею то точно побѣдою доказала, что она была *истинна*.

кромѣ употребленнаго медвѣдемъ для отгнанія мухи, летающія надъ носомъ спящаго своего друга. Онъ взялъ камень и убилъ однимъ ударомъ и муху и друга.

Шетiане подаютъ намъ тому примѣръ достойный примѣчанія. Мало по малу сдѣлались они способнѣе своихъ предковъ. Ихъ познанія о истинномъ естествѣ вещей, о ихъ отношеніи къ людямъ и о существенной разности, находящейся между предметами и представленіями, которыя объ оныхъ производятъ, просвѣщались отъ часу болѣе. Щастливыя сея перемѣны выгоды простирались на все государство, хотя онѣ были примѣчены одними токмо проницательными наблюдателями. Но соединенныя съ оными невыгоды не скрывались и отъ самого ограниченнаго зрѣнія. Когда народъ пребывалъ въ невѣжествѣ, тогда и не могъ во зло употреблять то, чего не имѣлъ. Тогда источникъ зла происходилъ отъ того, что онъ не

умѣлъ

умѣлъ управлять разумомъ. Когда Шешiане, подобно малымъ птицамъ начинали испытывать *крылья* своего духа, то часто имъ приходило желанiе взлетѣть очень высоко и упасть на землю. Въ другiй разъ отважились они летѣть въ такiя мѣста, гдѣ попали въ сокровенныя сѣти. Однимъ словомъ, тѣ, которые дѣйствительно имѣли болѣе другихъ разума, или которые такими слыть хотѣли, не успѣли почувствовать тоя свободы, которую Огул-Ханъ попустилъ ихъ разуму, какъ начали оную злоупотреблять. Извѣстно, что большее число не столь худо думали, сколько имъ причитали. Сколь легко въ стремительныхъ движенiяхъ природныя такому человѣку радости, который по долгомъ плѣненiи, дышетъ паки вольнымъ воздухомъ и смѣетъ по своей волѣ употреблять свои стопы, сколь легко говорю я, перейти помянутую черту и сдѣлаться нѣсколько *глупымъ*, съ радости, чувствуемыя

свободясь *отъ безумія?* Узнали, что суевѣріе есть великое зло; думали, что не можно довольно избѣжать его, и заблудились въ противный путь. Сіе было немалое зло, и тѣмъ больше заслуживало вниманіе вождей государства, что оно сообщалось нечувствительно отъ первыхъ чиновъ низкому состоянію.

Здѣсь Султанъ прервалъ рѣчь Данишеменда. Ты касаешься такого пункта, сказалъ онъ ему, на которомъ давно желалъ я быть въ состояніи, утвердить свои понятія. Не возможно, какъ ты уже то весьма довольно примѣтилъ, заградить источникъ тѣхъ золъ, которыя происходятъ изъ злоупотребленія тоя вещи, коея прямое употребленіе бываетъ добро. Однако то зло, о коемъ ты говоришь, есть толь опаснаго рода, что по крайней мѣрѣ должно принужденно остановить успѣхъ онаго. Я бы желалъ довольно знать, что бы ты мнѣ въ подобномъ случаѣ присовѣтовалъ сдѣлать?

Ва-

Ваше Величество, отвѣчалъ Данишемендъ, тотъ вопросъ, на который долженъ я сказать свое мнѣніе, давно того бы былъ достоинъ, преимущественно предъ многими другими, что бы наша Академія предложила за его рѣшеніе награжденіе. Я не осмѣливаюсь сказать о себѣ, что нашелъ его рѣшеніе. Мнѣ кажется, что тѣ, которые находятъ рѣшеніе его толь удобнымъ, не приняли бы на себя труда изпытать глубину онаго. Можетъ быть, онъ одинъ изъ тѣхъ, которыхъ рѣшить невозможно, или по крайней мѣрѣ, изъ тѣхъ, кои не иначе можно рѣшить, какъ смѣлымъ пресѣченіемъ. Вотъ какій я самъ себѣ предлагаю случай: мы находимся между двухъ золъ, изъ которыхъ совершенно принуждены выбирать одно; и такъ спрашивается, которое изъ оныхъ предпочесть должно?

Мнѣ кажется, что можно принять здѣсь за неоспоримое положеніе:

ніе: что въ подобномъ случаѣ, есть ли одно изъ сихъ золъ производитъ безконечное и неисправимое неустройство, а другое напротивъ могло бы быть уменьшено до безконечности, умаленіемъ извѣстныхъ условій, то сіе послѣднее непремѣнно избрать должно.

Предположивъ сіе, представляются здѣсь два зла къ разсужденію: вредъ, могущій и долженствующій произойти изъ злоупотребленія разума и просвѣщенія, когда оставляется имъ полная вольность; и вредъ, долженствующій выйти изъ сея вольности, заключенный въ нѣкоторомъ родѣ принужденія. И такъ я утверждаю, что въ государствѣ ограничить употребленіе разума и просвѣщенія есть тоже, что на вѣки оставить безуміе и невѣжество со всѣми ихъ дѣйствіями и со всѣми послѣдованіями, въ такомъ случаѣ есть ли народъ пребываетъ еще въ грубости, или, ежели онъ достигъ уже нѣкотораго просвѣщенія, то сіе

было

было бы привесть его въ опасность погружаться мало по малу въ такую грубость, которая поставляетъ человѣка въ число другихъ животныхъ, или помѣщаетъ ниже самыхъ скотовъ. Ибо, какимъ образомъ провести черту сію, раздѣляющую разумъ и просвѣщеніе? Что такое есть, которому надлежитъ опредѣлить ее? Какія правила установить для сего? Кто долженъ судить, соблюдены ли сіи правила, или нарушены, въ каждомъ частномъ случаѣ? Какимъ образомъ отвратить то, чтобъ судья не принималъ вмѣсто правила и побужденія къ своему разсужденію, особеннаго своего образа размышленія, своихъ предразсудковъ, своего личнаго вкуса, и можетъ быть, также своихъ страстей и особливыхъ намѣреній? Разумъ и просвѣщеніе народное не зависѣли ли бы чрезъ то отъ степени познанія или невѣжества, честности или вѣроломства судіи, или больше отъ непристойнаго предпо-

доженія, что его мудрость и непорочность никогда его не оставятъ? Ежели мы должны здраво разсуждать, то развѣ намъ не позволено здраво разсуждать обо *семъ*? А разсуждать развѣ не совсѣмъ другое дѣло отъ того, чтобъ токмо повторять то, что говорятъ другіе? Можно ли разсуждать безъ изысканій? или изыскивать безъ сомнѣній? Есть ли же сіе право сомнѣваться даже до того, что разсмотрѣно, и разсматривать до объявленія своего мнѣнія, не простирается на всѣ предметы; есть ли утверждаютъ, что есть нѣчто такое, въ кое углубляться есть дерзостно, потому что могутъ произойти изъ того опасныя слѣдствія: то народъ не имѣлъ ли бы всегда причины опасаться, что нѣкогда придетъ на умъ его начальникамъ, объявить опаснымъ испытаніе всего того, что бы имъ не приспало, есть ли бы разсмотрѣно было. Лѣтописи рода человѣческаго научаютъ насъ,

что

что его начальники были иногда тираннами, или по крайней мѣрѣ, столь слабы, чтобъ подвергнуть себя владычеству заблужденій и страстей, которыя были ихъ собственныя или чужія. На какомъ зыблющемся основаніи покоилось бы народное блаженство, есть ли бы зависѣло отъ произволенія малаго числа смертныхъ заключать, по ихъ понятіямъ или особеннымъ намѣреніямъ, въ нѣкоторые предѣлы, великія побужденія всеобщаго человѣческаго благоденствія, разумъ и добродѣтель? Что я сказалъ о разумѣ, то можно примѣнить и къ просвѣщенію, котораго важнѣйшее употребленіе состоитъ въ осмѣяніи всѣхъ мнѣній, страстей и дѣйствій человѣческихъ, противныхъ здравому разуму и всеобщему чувствованію истиннаго и изящнаго, то есть, всего того, что смѣшно по себѣ. Каждый предѣлъ, полагаемый сей прекрасной способности, бываетъ одобреніемъ для ду-

 ра-

рачества, и молчаливымъ признанiемъ, что есть достопочтенныя дурачества. Нечувствительно окажутся другiя дурачества позади сихъ скрывающiяся; ибо ихъ родъ есть многочисленъ, и нѣкоторыя толь между собою сходны, что весьма легко принять можно одно за другое. И такъ что бы иное произошло изъ ограничиванiя разума и просвѣщенiя, какъ токмо увидѣли бы, что подъ тяжкимъ скипетромъ глупости суевѣрiе и бѣшенство, тиранство надъ душами и тѣлесами, ослѣпленiе ума, развращенiе сердца, неочищенiе нравовъ, и наконецъ повсемѣстное невѣжество и дикость одержали бы верьхъ.

Сiе не было бы просто случайное слѣдствiе; но было бы онаго *необходимое и неизбѣжное дѣйствiе.* Зло бываетъ извѣстно съ тѣхъ поръ, когда захотятъ удручать разумъ и просвѣщенiе, поруча одной особѣ старанiе о послабленiи и возстягиванiи бразды,

на нихъ возложенныя, по ея произволенію.

Посмотримъ теперь съ другія стороны, довольно ли знатенъ тотъ вредъ, котораго можно опасаться отъ сея вольности, чтобъ могъ войти въ сравненіе съ тѣмъ, который происходитъ отъ ея утѣсненія; или лучше не умаляется ли онъ мало по малу до безконечности нѣкоторыми обстоятельствами.

Правда, употребляютъ во зло неограниченную вольность разума, просвѣщенія, воображенія и того, что называется *Гуміоръ*, для представленія, въ ложномъ свѣтѣ, мудрости и самыя добродѣтели, для обращенія въ смѣхъ самыхъ почтенныхъ предметовъ, по причинѣ нѣкотораго недостатка, не весьма существеннаго. Есть сверьхъ того нѣкоторые примѣры, что та вещь, которая *казалась пустою*, нашлась справедлива, когда въ близи ее разсмотрѣли; такъ что пре-

стала тогда быть *пустою* (*). И такЪ возможно, что свобода, данная

(*) Разительный сему примЕрЪ есть система противоножныхЪ, которая вовлекла вЪ толь худыя дЕла Виргилія, Епископа Салцбургскаго (есть ли сіе не былЪ другій Виргилій, какЪ нЕкоторыя обстоятельства заставляютЪ то думать). Сіе ученіе было толь неслыханно, и казалось толь возмутительнымЪ тогдашняго времени свЕту, что самые разумные люды не могли предаться оному. „Ему причитали „мнЕніе, говоритЪ АвентинЪ вЪ сво„ей *Баварской лЕтописи*, что на„ходился другій свЕтЪ, другіе лю„ди, то есть, безЪ сомнЕнія такіе „люди, которые не происходили отЪ „Адама и Еввы, другое солнце и „другая луна. Вонифатій осуждаетЪ „сіи положенія, яко злочестивыя и „противныя христіанскому любомуд„рію; охуждаетЪ Виргилія всенарод„но и особо: требуетЪ отЪ него, „да бы исправилЪ сіи ребяческія вра„ки (naenias), и не безобразилЪ да„лЕе,

ная заблужденіямъ разума, могла остановить преспѣянія самыя истин-

 ны.

„ лѣе, толь глупыми бреднями, про-„ стыя и чистыя христіанскія мудро-„ сти.„ Папа Захарій, предъ коего принесено было сіе дѣло, по причинѣ его мнимыя важности, не кротчайшимъ взиралъ на него окомъ, какъ и Вонифатій. Онъ именуетъ ученіе о другихъ *людяхъ подземныхъ*, *ученіемъ погрѣшительнымъ*, кое Виргилій произносилъ *против Бога и собственныя своея души*; онъ требуетъ въ весьма важныхъ вызывательныхъ грамотахъ, чтобъ Герцогъ Утилонъ, принявшій по видимому добросердечнаго Виргилія подъ свое покровительство, прислалъ въ Римъ сего опаснаго человѣка, чтобъ испытать его, съ крайнею строгостію, и убѣдивъ въ заблужденіи, наказать по законамъ Каноническимъ. Baron. ad annum 748. Мы не видимъ причины дѣлать толь ненавистные выговоры почтеннымъ Епископамъ, которые описали дѣло о противоножныхъ съ толикою строгостію, какъ многіе то учини-

ны. Но всѢ сіи бѢдствія, сколько бы онѢ великими ни были себѢ воображаемы,

супь

чинили. НѢтЪ также нужды ихЪ оправдывать, и дѢлать такіе обороты, которые употребляетЪ славный Августбургскій Патрицій, МарксЪ ВелсерЪ, вЪ своей *Баварской исторіи*: то есть, что тѢ, которые думали, что Виргилій утверждаетЪ, что земля была кругла и населена на другой сторонѢ шара, и пр. худо уразумѢли его мнѢніе и слѢдовательно обнесли ПапѢ Вонифатію. Довольно, что вЪ то время, всеобщее предразсужденіе и самыхЪ разумныхЪ, нашло вЪ понятіи о противоножныхЪ нѢчто весьма смѢшное. за долго прежде *Косма АпостолЪ Индейскій*, Египетскій монахЪ, вЪ своей *христіанской топографіи* (которую МонтфоконЪ предалЪ намЪ во второй части своего собранія церковныхЪ ГреческихЪ писателей) увѢряютЪ, что земля есть ровна и что небесный сводЪ возвышается сЪ двухЪ краевЪ нашего міра. Сіе было общее мнѢніе, вЪ то время, когда ученіе естества было вЪ крайнемЪ

суть случайны и рѣдки. Предосужденіе, которое могутъ они нанести роду человѣческому, предварено, или учинено нечувствительнымъ множествомъ противныхъ дѣйствій. Но что наиболѣе достойно разсужденія, то должно, чтобъ оно всегда проходило уменьшаясь, чрезъ самое естество вещи. Война между разумомъ и просвѣщеніемъ съ одной стороны, а съ другія вѣчные ихъ враги невѣжество и безуміе есть такоежъ зло, какъ и всѣ другія войны. Она привлекаетъ по случаю, множество золъ, и находятся всегда многіе, которые оныя претерпѣваютъ тѣмъ или другимъ образомъ. Но сіе есть зло необходимое, слѣдствіями своими доставляющее навеличайшее благо. Каждая новая побѣда, одерживаемая первыми

I 4 надъ

немъ презрѣніи и почиталось за непотребное и босурманское: и такое положеніе, которое Виргилію надлежало утвердить, необходимо долженствовало оскорбить слухъ благочестивыхъ.

надъ послѣдними, ослабляетъ непріятеля, утверждаетъ законное превосходство и ускоряетъ рожденіемъ того злашаго вѣка, котораго никто еще не доказалъ невозможности, и который (когда бы, по видимому и мало можно было надѣяться, чтобъ онъ когда случился) долженъ быть великимъ предметомъ всѣхъ друговъ человѣчества, въ такія времена, когда благоустройство, вѣра и нравы, разумъ, просвѣщеніе и вкусъ согласно стекаются къ содѣйствію блаженства рода человѣческаго.

Другъ мой, Данишемендъ, (сказалъ Султанъ, когда Философъ окончалъ свою рѣчь) все, что ты теперь намъ сказывалъ, можетъ быть весьма полезно, ежели дѣло идетъ о такомъ Государствѣ, какъ *Утопія*, которое ты можешъ населить по своей волѣ, мнимыми людьми, и управлять, какъ тебѣ покажется. Но съ позволеніемъ твоея Философіи, здѣсь спрашивается

не

не о томъ, что полезно обществу человѣческому *вообще*, но о томъ, что можетъ приличествовать *каждому особенному состоянію*; и ты согласишься тогда съ вѣроятіемъ, что не можно представить никакого состоянія, дѣйствительно занятаго людьми, имущими плоть и кровь, котораго обитатели не должны покупать тѣхъ выгодъ, коими наслаждаются, жертвою части изъ своихъ естественныхъ правъ. Ты весьма прекрасно намъ доказалъ, что всегда бываетъ полезно обществу, когда разумъ и просвѣщеніе, слѣдовательно...... когда ты не хочешь признать никакого судіи, отличающаго въ каждомъ особенномъ случаѣ, что суть разумъ и просвѣщеніе.... безуміе и сумозбродство наслаждаются полною вольностію. Но всѣ твои доказательства не воспрепятствуютъ мнѣ приказать отрѣзать первому тому уши, который отважится возбудить своими писаніями мои народы къ смятенію и неудо-

вольствію, или наградить пятью стами ударовъ палкою по пятамъ перваго того философа, который найдетъ случай объявить, что законъ нашего пророка есть дѣйствіе обмана. На сіе можешь ты надѣяться. Я столь вѣрно держусь своего слова, какъ Огул-Ханъ.

Ваше Величество, отвѣчалъ Данишемендъ, мнѣніе мое простиралось токмо о тѣхъ разпоряженіяхъ, которыя дѣлаютъ сіе зависимымъ отъ проницанія и произволенія нѣкоторыхъ лицъ, до какія точки государство можетъ быть благоразумно или безумно. Можно остановить злоупотребленіе вольности, такими средствами, которыя и самой вольности невредительны; однако не возможно тому возпрепятсвовать, чтобъ слово *злоупотребленіе* не оставалось всегда двоезнаменательно, и (выключая нѣкоторые частные и рѣдкіе случаи, о которыхъ подлежитъ знать Государю) всегда будетъ надежнѣе просматриваніемъ токмо наказы-

зы-

зывать нѣкоторыя глупости, нежели чрезмѣрною строгостію подвергаться опасности утратить самое знатное преимущество нашего естества (*).

Есть ли мнѣ позволено, продолжаетъ Данишемендъ, приложить къ священникамъ Шешіанскимъ тотъ вопросъ, который мы теперь разсматривали, то кажется, что одна токмо худо усмотренная польза могла принудить Бонзъ почитать толь опасною ту свободу, которую Огул-Ханъ даровалъ своимъ подданнымъ. Правленіе и законъ Шешіанскій могли токмо получать изъ того единую пользу. Самые Бонзы нашли бы

(*) Отвергать нѣкоторыя отрасли вольности, по причинѣ злоупотребленія, которое можно изъ оныхъ дѣлать, есть точно тоже, какъ ежели бы заключилъ кто, противу вольности вообще; ибо все можно употребить во зло, говоритъ разумный Творецъ писемъ называемыхъ Letters from a Persian in England, стр. 159.

бы вЪ оной свои выгоды. Они были бы удалены сперва нуждою, потомЪ привычкою, а наконецЪ можетЪ быть склонностію и выборомЪ отЪ всего того, что бы, по справедливости, могло навлекать на нихЪ истинную хулу. Непричастные неумѢренному честолюбію, неспособные кЪ желанію присвоивать себѢ имѢнія своихЪ согражданЪ, украшенные всѢми состоянія своего добродѢтелями, почтеніе, которое возымѢли бы кЪ личному ихЪ достоинству, присоединилось бы кЪ чести ихЪ служенія. Всеобщее почтеніе лучше бы ихЪ защитило, нежели законы и наказанія, отЪ всѢхЪ покушеній, на нихЪ простираться могущихЪ. Ибо дерзаю я утверждать, что нѢтЪ ни единаго на земли народа, который бы не долженЪ былЪ имѢть склонность находить достойнымЪ сугубаго почтенія человѢка мудраго и добродѢтельнаго, единственно для того, что онЪ священникЪ. Но Шешіанскіе Бонзы имѢли нещастіе не учи-

нить

нить сего разсужденія. Самонадежнѣйшее средство къ избѣжанію общенародныя хулы, безъ прекословія, состояло въ исправленіи, или отверженіи всего того, что могло находиться въ ихъ понятіяхъ, правилахъ и нравахъ; но сіе средство было также и весьма трудно. Они возлюбили лучше стараться о утѣсненіи, премногими хитрыми оборотами и подлыми ухищреніями, тѣхъ, которыхъ, безъ всякія особенныя причины, и по одному токмо природному стремленію, опасались способности и просвѣщенія. Безопасность Шешіанскаго закона послужила имъ подлогомъ къ исполненію ихъ мщенія надо всякимъ, осмѣлившимся сдѣлать наималѣйшее возраженіе противу глупостей самыхъ явныхъ и наивеличайшихъ злоупотребленій. Они не опускали ни единаго случая внушать въ сообществахъ, или въ частныхъ обращеніяхъ, а особливо у знатныхъ и почтенныхъ, что такіе люди были справедливо подозритель-

шельны въ невѣрствіи ниже большой обезьянѣ, ниже всеобщему духу хранителю (какъ они называли всевышнее существо). Есть ли они и давали однимъ изъ нихъ нѣкоторыя дарованія, то скорбѣли въ то же время съ сожалительнымъ голосомъ, что сіи дарованія не лучше употребляются; оплакивали опасность, въ которой находился народъ, снося, что толь опасные люди изливали сладкій свой ядъ въ слабыя души. Сіи ихъ ухищренія имѣли успѣхъ въ тѣхъ, кои попускаютъ собою управлять мнѣніямъ другихъ, или механической привычкѣ, то есть, въ большей части народа. Такимъ образомъ содержали они власть нѣкотораго впеченія, которое, можетъ быть, тѣмъ глубже вкоренялось, что они обязаны были имъ льстивымъ своимъ увѣреніямъ, и множеству хитростей, помощію которыхъ умѣли овладѣть душами. Они наслаждались, въ нѣкоторыя слабыя правленія, удовольствіемъ возставлять,

отъ

отъ времени до времени, малыя хитрости противу разума и просвѣщенія; и весьма вѣроятно, чтобъ то невѣжество, которое при Огул-Ханѣ, принуждено было скрыться въ убѣжище у Іа-Фаоу, стремительно возвратилось, дабы овладѣть въ другій разъ дворомъ и домами знатныхъ и богатыхъ людей, есть ли бы государствованіе прекрасныя Лили не подало, по щастію для народа, другаго вещамъ впечатлѣнія.

Должно признаться, сказалъ Шах-Жебалъ, что Шешіанскіе Бонзы не имѣютъ никакія причины благодарить Данишеменда, за учиненіе такимъ образомъ ихъ славы безсмертною.

Ваше Величество, отвѣчалъ докторъ, по крайней мѣрѣ, вы мнѣ повѣрите, что я не могъ имѣть причину описывать ихъ другимъ образомъ, нежели они, въ самомъ дѣлѣ, были. Утверждаемыя мною истинны не могутъ никому причинить вреда; но есть ли Вашему Величеству,

ву, угодно, то могутъ онѣ быть полезны и служить потомству зеркаломъ, для представленія ему исторіи о Шешіанѣ. Держусь, что такій родъ зеркала есть весьма хорошее изобрѣтеніе; ибо наконецъ нужно всему свѣту знать, на что онъ походитъ; и сколькобъ ни могли быть о себѣ свѣдущи, однако находятъ всегда въ своей особѣ, нѣкоторыя пятна къ изглажденію или нѣкоторые малые безпорядки къ исправленію. Кто чувствуетъ чистоту совѣсти своея, тотъ можетъ надежно въ оное смотрѣться; а кто смотрясь въ него, озлобляется на зеркало, или на ту фабрику, гдѣ оно сдѣлано, тотъ всеконечно долженъ имѣть существенный недостатокъ въ разумѣ.

Есть ли ты можешь получить согласіе отъ моего Имана, примолвилъ Султанъ, то не будешъ имѣть причины на то жаловаться, что я противлюсь твоей зеркальной фабрикѣ.

къ. Я всегда былъ склоненъ къ ободренію рукодѣлій.

Данишемендъ, по обыкновенномъ прерываніи, вступилъ опять, по повелѣнію Султанскому, въ продолженіе о раздорахъ нечаянно произшедшихъ при Султанѣ Азорѣ между Шешіанскими Бонзами, и совершившихъ нещастіе государства.

Видъ, говорилъ онъ, принятый природнымъ Шешіанскимъ духомъ, въ государствованіе прекрасныя Лили, не былъ благосклоненъ къ системѣ и намѣреніямъ Бонзъ. Суевѣріе, на которомъ основывалось почтеніе, коимъ они прежде наслаждались, необходимо предполагаетъ нѣкоторое затмѣніе въ душѣ: слѣдовательно умаляется оно по мѣрѣ возрастенія народнаго просвѣщенія. Разумъ, вкусъ, обхожденіе, отонченіе чувствованія и обычаевъ суть природные его непріятели. Взаимное ихъ противострастіе есть непримиримо; оно восходитъ до ихъ раз-

разрушенія, или они его разрушаютъ. Шешіанскіе Бонзы увидѣли себя толь близко къ сему послѣднему случаю, что начали наконецъ, какъ казалось, отчаеваться въ томъ, что не могутъ спасти своея системы. Съ тѣхъ поръ всякъ думалъ токмо о себѣ. Вмѣсто старанія о общихъ дѣлахъ, упражнялись въ полученіи отъ своихъ собственныхъ душевныхъ или тѣлесныхъ дарованій, столь многихъ выгодъ, сколь токмо случай могъ доставить.

Когда дѣла находились въ такомъ состояніи, тогда въ десятое лѣто царствованія Азорова одинъ Іа-Фаоу, прославившійся своими изысканіями Шешіанскихъ древностей, выдалъ въ свѣтъ такое откровеніе, которое хотя при первомъ взглядѣ, казалось маловажно, однако своими слѣдствіями привело все государство въ возмущеніе. Онъ нашелъ, или мнилъ найти, что имя большія обезьяны по самымъ древнимъ слѣдамъ его народа, никогда не

не писалось Тсаи-Фаоу, какъ его писали и произносили отъ многихъ вѣковъ, но всегда Тсао-Фаоу. И какъ слово *Тсаи* значило на Шешіанскомъ языкѣ огневый цвѣтъ, а *Тсао* напротивъ того, по весьма ученому доказательству, означало *голубый*, то слѣдствіе вышло само собою, что имя *голубыя обезьяны* было собственно истинное, древнее, и отличительное имя бога хранителя ихъ землй.

Горгориксъ, по примѣру всѣхъ испытателей древностей, возчувствовалъ безмѣрную радость отъ сего открытія, подавшаго ему случай писать рассужденія, въ которыхъ могъ онъ употреблять *запасенныя выписки, поправленія, дополненія, догадки, лѣтоисчисленія, словопроизводныя изысканія* и многія другія подобныя вещи, рачительно во многіе годы имъ собранныя. Онъ думалъ, что не можно подать, съ довольнымъ поспѣшеніемъ, свѣту толь важнаго откровенія. Изысканія, которыя принужденъ онъ былъ

дѣлать о семъ предметѣ, отверзли ему путь къ толь же многимъ другимъ древнимъ и грамматическимъ открытіямъ: каждое изъ оныхъ подавало случай къ толь многимъ ученымъ весьма важнымъ отступленіямъ, что, не взирая на заглавіе его книги, все касающееся до голубыя и огневаго цвѣта обезьяны, двадцатую токмо часть оныхъ составляло. Съ самаго начала не было, казалось, намѣренія его вводить новости въ Шешіанскій законъ; и можетъ быть дѣло осталось бы безъ всякаго слѣдствія, ежели бы единомысленники его и друзья меньше усердствовали выхвалять во всѣхъ вѣдомостяхъ и журналахъ Шешіанскихъ откровенія великаго, какъ они его называли, Горгорикса. По ихъ сказкамъ дѣла сіи были великія важности. Неразумныя старанія сими людьми принятыя были причиною, что наконецъ его книга привлекла на себя вниманіе всего народа. Разные Бонзы, взирающіе съ зави-

стію на славу великаго Горгорикса, обнародовали критическія испытанія о его книгѣ, въ которыхъ нестолько они старались входить въ точное изслѣдованіе, основательно ли или неосновательно было Горгориксово мнѣніе, сколько показать свѣту, что и они по меньшей мѣрѣ имѣли столь же великое множество запасенныхъ выписокъ, и умѣли притомъ дѣлать разумнѣйшія и ученѣйшія дополненія, поправленія, догадки, лѣтоисчисленія, и словопроизведенія какъ и Горгориксъ. Вскорѣ пріобщились къ нимъ нѣкоторые Іа-Фаоу, которые, разсуждая подъ другимъ видомъ о откровеніи сего древностей изыскателя, громко вопіяли противъ нечестія и опасности сея новости. Какъ тѣ и другіе не не имѣли друзей, которые, по разнымъ причинамъ и побужденіямъ, приняли, при семъ народѣ ихъ сторону, то споръ становился всегда горячее и общественнѣе. Любовь къ новизнѣ привлекла большую часть молодыхъ

Бонзъ и Іа-Фаоу на сторону голубыя обезьяны, и Горгориксъ вскорѣ увидѣлъ себя предводителемъ знатныя части народа. Сіе подало ему смѣлость утверждать, съ безумнымъ удареніемъ ученаго диктатора, то, что предлагалъ сперва съ скромностію и такъ какъ задачу. Съ тѣми, которые не находили его предложеній толь твердыми и ясными, какъ онъ самъ, поступалъ онъ съ сего времени съ такимъ презрѣніемъ, которое показалось его противникамъ несносно. Тому должно имѣть, говорилъ онъ, весьма тупую голову, кто не можетъ понять истинны моихъ открытій, а тому надлежитъ быть весьма злобнымъ, кто не хочетъ ихъ принять. Сей образъ состязанія, весьма между учеными Шешіанскими обыкновенный, произвелъ въ семъ особенномъ случаѣ обыкновенное свое дѣйствіе. Духъ состязающихся раздражался отъ часу болѣе; спорные вопросы всякій день умножались, по

той ярости, чтобЪ ни вЪ чемЪ не уступать другому. Множество людей объявляли себя, сЪ превеликимЪ жаромЪ, сЪ тоя или сЪ другія стороны, не испытавЪ, которая изЪ нихЪ была справедлива, или не будучи способны кЪ такому испытанію. Сія война, которая сЪ начала была токмо словесное состязаніе, нечувствительно премѣнилась вЪ раздорЪ о законѣ, котораго слѣдствія весьма великія были важности. Всякая часть всѣми возможными способами старалась возвыситься, когда КалафЪ, молодый БонзЪ, нашедшій средство пріитти при дворѣ вЪ нѣкоторую знатность, привлекЪ, на сторону Горгориксову, доселѣ еще сомнительный перевѣсЪ. Сіе происходило не отЪ того, что онЪ имѣлЪ вЪ семЪ дѣлѣ хотя малое участіе; ибо онЪ не принялЪ никогда на себя труда прочесть книгу сего Іа-Фаоу, и никто вЪ свѣтѣ меньше его о томЪ не заботился, голубаго ли, или зеле-

 наго,

наго, или желтаго цвѣта была большая обезьяна. Но Калафъ былъ честолюбивъ; ему хотѣлось получить мѣсто, перваго Бонза въ столицѣ Шешіанской, которому скоро надлежало быть праздну, и голубая обезьяна могла вспомоществовать ему въ томъ предпріятіи, исполненія коего не могъ онъ надѣяться, есть ли вещи пребудутъ въ своемъ естественномъ теченіи. Доброе его щастіе поручило ему обратить Персидскую танцовщицу, коея знатныя оковы носилъ повѣренный перваго любимца Султанши Лили. Она была воспитана въ законѣ Гебровъ, а любовникъ ея весьма усерденъ былъ къ Шешіанскому. Понеже танцовщица считала себя разумною, то предпріятіе было не нетрудно; но Калафъ былъ весьма *любезенъ*, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ танцовщицы. Онъ прежде всего нашелъ способъ, овладѣть ея сердцемъ, не сумнѣваясь, что когда пріобрѣтетъ его, то голова не долго его положеніямъ бу-

будетЪ противиться. ОнЪ такЪ хорошо умѣлЪ щадить ея честолюбіе, толь искусно избиралЪ кЪ своему предпріятію способные часы, что танцовщица принуждена была наконецЪ признаться, что онЪ ее убѣдилЪ; но вЪ тоже самое время объявила, что естьли бы она обязана была представлять себѣ великаго *Миѳея* подЪ образомЪ обезьяны, то, не иныя кЪ тому хотѣла, какЪ голубыя; ибо голубый цвѣтЪ былЪ ея любимый. КалафЪ, весьма искусный кЪ погубленію плода толикихЪ бдѣній безмѣстнымЪ напряженіемЪ вЪ дѣлѣ толь мало его привлекающемЪ, и довольно проницательный, дабы видѣть сЪ перваго взгляда, какую изЪ сего можно получить пользу, увѣрилЪ ее, что онЪ и самЪ всегда былЪ склоненЪ кЪ объявленію себя со стороны голубыя обезьяны, и что сЪ того времени будетЪ стараться о ней сЪ тѣмЪ большимЪ усердіемЪ, что могЪ почитать щастливое предразсужденіе обращенныя своея

 кра-

красавицы дѣйствіемъ вышеестественнаго вдохновенія. Отъ сего времени Горгориксъ не имѣлъ поборника усерднѣе Бонза Калафы. Повѣренный любимца, немогущій ни въ чемъ отказать танцовщицѣ, былъ первый изъ придворныхъ, преклоненный къ новому мнѣнію. Повѣренный убѣдилъ любимца, любимецъ Султаншу, Султанша Государя своего сына, а примѣръ Государя привлекъ весь дворъ. Первое важное слѣдствіе щастливаго сего успѣха было то, что вскорѣ потóмъ Калафъ достигъ празднаго чина одного изъ первыхъ Бонзъ города Шешіана.

Гуктусъ, одинъ Бонзъ знатныя природы и наслаждающійся великимъ почтеніемъ, надѣялся пріобрести сіе достоинство, и употребилъ все къ полученію онаго. При другихъ обстоятельствахъ Калафъ не былъ бы страшнымъ для него соперникомъ; но Калафъ воспользовался тѣмъ временемъ, когда Персидская танцовщица все учинить была въ

со-

состоянiи. Правда, что стоило ему труда преклонить ее къ нѣкоторому угожденiю для Султаншина любимца. Соблазнительная лѣтопись, говоритъ также, что онъ доставилъ къ тому случай въ собственномъ своемъ домѣ. Такого рода побужденiе могло показаться любимцу довольнымъ, для предпочтенiя Калафа, который не обѣщалъ другаго достоинства, кромѣ придворныя хитрости и проворства, предъ Бонзомъ Гуктусомъ, который имѣлъ о себѣ голоса всего народа. Но сего было недовольно, для оправданiя сего пречпочтенiя предъ глазами народа. Гуктусъ скрылъ свой гнѣвъ подъ кровомъ совершеннѣйшаго равнодушiя; но сердце его пылало яростiю. Споры о *Тсаи* и *Тсао*, въ которыхъ онъ, по своему разуму, не принималъ до сего никакого участiя, казалось, доставили ему случай къ насыщенiю сея ярости, подъ похвальнымъ видомъ. Калафъ учинилъ себя начальникомъ стороны

го-

голубыхъ: слѣдовательно Гуктусъ не преминулъ объявить себя всенародно послѣдователемъ стороны *огненаго цвѣта*. Онъ имѣлъ по себѣ большую часть старыхъ людей изъ Бонзъ и Іа-Фаоу; и понеже тѣ изъ Шешіанъ, кои недовольны были правленіемъ Султанши Лили, къ нему вскорѣ присоединились, то составили они такое противустояніе, котораго намѣренія, мѣры и движенія были довольно важны, для угроженія правительству плачевными возмущеніями.

Данишемендъ дѣлаетъ весьма обстоятельную подробность о разныхъ выгодахъ, намѣреніяхъ и пристрастіяхъ, бывшихъ собственною причиною всенародныхъ поступковъ обѣихъ сторонъ. Есть ли его сказаніе справедливо, то сія подробность можетъ доказать, что искуство употреблять интересы закона и правительства, для прикрытія гнусныхъ страстей и корыстолюбивыхъ требованій, не должно быть

по-

почитаемо въ числѣ такихъ, которыхъ изобрѣтенія и совершенія нынѣ надѣяться можно.

До сихъ поръ (такъ какъ онъ продолжаетъ) самомалѣйшая часть народа мѣшалась въ дѣла̀ *голубыхъ и огненыхъ* (такимъ образомъ начали называться сіи стороны). Весьма малое число отказалось отъ древнихъ своихъ мнѣній, въ разсужденіи большія обезьяны. Большая часть дѣлала уголовщину, когда ей говорили о новостяхъ Горгориксовыхъ и его друзей, и стенала, что толь твердая вещь, какъ имя и цвѣтъ покровительствующаго ихъ божества, должна быть подвержена толь дерзскимъ испытаніямъ. Но Калафъ, коего необузданное честолюбіе требовало совершеннаго торжества, не далъ себѣ никакого покоя, доколѣ не увѣрилъ превеликую часть подлаго народа, что большая обезьяна была голубая. Но что подало ему желаемый случай, то былъ великолѣпный порцеллиновый голубый па-

пагодъ, съ золотыми украшеніями, воздвигнутый въ честь Тсао-Фаоу, по повелѣнію Султанши Лили. Усердіе сея женщины къ оставленію потомству толь изряднаго знака своея къ наукамъ любви, нечувствительно премѣнилось въ страсть къ сторонѣ самыя голубыя обезьяны. Народъ, предъ очами котораго сей прекрасный храмъ сооружался, предуготовленъ былъ, Калафовыми единомысленниками, къ ожиданію чрезвычайныхъ вещей. Попускали произносить нѣкоторыя гадательныя рѣчи, голубые показывали на своемъ лицѣ и въ своемъ голосѣ великое увѣреніе, не объявляя тому причины; а Гуктусъ съ своими послѣдователями трепеталъ, для чего не зная.

Наконецъ пришелъ тотъ день, котораго обѣ стороны ожидали, одни съ крайнею нетерпѣливостію, другіе съ безпокойнымъ ожиданіемъ умышляемаго противу ихъ предпріятія, день, въ который должно было поставить голубый пагодъ. Едва пок-

токмо взошло солнце, Калафъ привелъ собранный народъ въ ближній столицы лѣсъ, издревле посвященный большой обезьянѣ. Среди сего лѣса, видно было большое круглое мѣсто, въ срединѣ котораго воздвигнутъ былъ нѣкоторый родъ престола, на который Калафъ возшелъ, для сказыванія народу великолѣпныя рѣчи, о которой его стороны повѣствователи увѣряютъ, что они никогда ей подобныя не слыхали. Калафъ говорилъ о вещахъ высочайшихъ и непостижимыхъ; необыкновенное вдохновеніе блистало во всей его наружности: величественный гласъ устъ его, убѣжденіе, съ которымъ онъ говорилъ, тѣлодвиженія и медоточныя слова его привлекли слушателей съ такою силою, что принуждены были подать свое съ нимъ согласіе, не понявъ ни малѣйшія вещи изъ всего имъ сказаннаго. Главное его рѣчи намѣреніе было привесть народъ въ удивленіе, что бы онъ съ трепетомъ ожидалъ чудеснаго откровенія.

Ни-

Никогда никакій ораторъ не употреблялъ лучше Калафа волшебныя силы *пустослопія.* Онъ читалъ въ удивленныхъ очахъ своихъ слушателей дѣйствіе своего слова; и для конечнаго ихъ привлеченія, окончалъ рѣчь свою разительнымъ обращеніемъ къ большой обезьянѣ, которую заклялъ извлечь народъ свой изъ сомнѣнія, и показать ему очевиднымъ чудомъ, подъ коимъ цвѣтомъ будетъ ей пріятнѣе, воздаваемое народомъ богослуженіе.

Едва Калафъ произнесъ последнія сіи слова, какъ увидѣли вдругъ то древо, къ коего пню прикрѣпленъ былъ тронъ перваго Бонзы, освѣщенно пламенемъ: и среди грома и молніи (*) узрѣли низшедшую въ

(*) Мы не думаемъ, что бы кто нибудь изъ нашихъ читателей могъ находиться въ такомъ случаѣ, въ которомъ честный *Клаусъ Цеттель* въ Шекспировомъ Mid-Summer-Nights-Dream, страшился, чтобъ Аѳинскія жен-

въ глазахъ безчисленнаго народа великую *голубую обезьяну*, которая сѣла на правой сторонѣ трона, съ толь величественнымъ видомъ, что искусство Калафова *питомца* превзошло надежду самого его.

Удобно можно представить, что сіе было рѣшительное произшествіе. Самый упорный послѣдователь огневаго цвѣта обезьяны увидѣлъ себя

женщины не испугались, когда онъ покажется въ видѣ льва и испуститъ страшный его ревъ, въ комедіи Пирама и Ѳизвы, которую онъ хотѣлъ играть съ своею толпою у Тезея на свадьбѣ. Я не премину, говоритъ онъ, имъ сказать, не бойтесь мои красавицы; я недѣйствительный левъ, какъ можетъ быть, вы то подумали, но я истинно полотнянщикъ Клаусъ Цеттель, такій человѣкъ, которому грѣшно бы было устрашать сердце прекрасныя лади. Во всякомъ случаѣ, мы съ такою же нѣжностію объявляемъ, что та гроза, которою Калафъ хочетъ насъ устрашить, была не иная, какъ токмо произведенная искуствомъ.

принужденнымЪ склониться на свидѣтельство чувствЪ своихЪ. Не было ни одного такого, даже и изЪ душЪ твердыхЪ, бывшихЪ при семЪ зрѣлищѣ, кто бы стремительно привлеченЪ не былЪ; и то малое число, которое еще владѣло своимЪ разумомЪ, чтобЪ видѣть великій обманЪ, убѣждены были благоразумною мудростію, возсылать радостные крики вЪ честь голубой обезьянѣ. Она приведена была вЪ новый свой храмЪ сЪ превосходящимЪ воображеніе великолѣпіемЪ. СамЪ Царь АзорЪ, который объявилЪ себя послѣдователемЪ мнѣнію голубыхЪ, по одному токмо угожденію своей матери, не могЪ нейтти сЪ Султаншею предЪ всѣмЪ дворомЪ, и не почтить своимЪ присутствіемЪ перваго торжественнаго жертвоприношенія.

Сколь ни ужасна была вѣсть о семЪ приключеніи для Гуктуса и его друзей, однако онЪ показалЪ вЪ сей рѣшительный часЪ, что вЪ немЪ не

не недоставало дарованій нужныхЪ предводителю партіи. КромѢ многихЪ другихЪ довольно замысловатыхЪ способовЪ, вЪ подробности которыхЪ мы не можемЪ слѢдовать Данишеменду, старался онЪ наипаче истребить до основанія то впечатлѢніе, которое КалафЪ сЪ своею голубою обезьяною произвелЪ вЪ непросвѢщенномЪ народѢ. Его единомысленники обвинили всенародно сего перваго Бонза вЪ волшебствѢ, и утвердили, что онЪ имѢетЪ какое нибудь тайное согласіе сЪ злыми духами. Сія выдумка по справедливости много чести приноситЪ своему изобрѢтателю. Есть ли бы огневые цвѢты были тѢмЪ токмо довольны, что бы внушить народу, что КалафЪ былЪ *обманщикЪ*, то бы не достигли своего намѢренія привести его вЪ великое безчестіе; ибо разумЪ весьма слабЪ противЪ умоизступленія и суевѢрія. Но дерзостно увѢрить, что онЪ обязалЪ злыхЪ духовЪ вЪ своемЪ договорѢ

 про-

противу Тсаи-Фаоу, называется поразить его опасно. Такое мнѣніе показалось подлому народу вѣроятнымъ; оно привлекло склонность его къ чудесамъ къ сторонѣ Гуктусовой; оно подало случай къ безчисленнымъ невѣроятнымъ повѣствованіямъ, старательно разносимымъ. Во время увѣренія, что они ложны, выдумывали обстоятельства для большаго имъ вѣроятія, и всегда оканчивали, повѣря имъ надежно. Наконецъ Гуктусъ достигъ такого въ своемъ предпріятіи успѣха, что народъ большія части государственныхъ земель вознамѣрился лучше дѣло довести до самыя крайности, нежели сдѣлаться невѣрнымъ закону своихъ предковъ и огневаго цвѣта обезьянѣ.

Вѣроятно, продолжаетъ Данишемендъ, что Калафъ поступилъ бы разумнѣе, естьли бы взиралъ на сіи обвиненія съ холоднымъ презрѣніемъ, и естьли бы старался преодолѣть тѣ препятствія, которыя нашелъ въ предразсужденіяхъ

по-

половины народа, послѣдуя своему плану съ твердостію, но спокойно и безъ поспѣшенія. Но его неразуміе и горячность не согласовались съ толь умѣренными предпріятіями. Возгордясь властію, которую имѣлъ онъ надъ душею Султанши Лили, управлявшей еще кормиломъ правленія, и учинившись дерзкимъ отъ безумнаго усердія многихъ послѣдователей, почелъ себя довольно сильнымъ для усмиренія возмутителей насильственнымъ способомъ. Государскій указъ, коего онъ былъ сочинитель, объявилъ всѣхъ тѣхъ бунтовщиками, которые откажутся отъ почтенія голубой обезьянѣ. Приказано было вынесть изъ всѣхъ пагодовъ изображенія Тсаи-Фаоу и помѣстить на ихъ мѣста другія изъ голубаго порцеллина, для котораго поставили прекрасную фабрику въ преддверіяхъ голубаго погода. Всѣ другіе пагоды снабдѣны были Бонзами стороны Калафовой, а пожелавшихъ лучше отказаться отъ сво-

 икъ

ихЪ доходовЪ, нежели отЪ огне-
ваго цвѣта обезьяны, отрѣшили.
Сіи насилія произвели дѣйствіе, ко-
торое человѣкЪ разумнѣе Калафа,
предсказывалЪ ему, но онЪ од-
нако не хотѣлЪ ему повѣрить. Мно-
гія личныя оскорбленія, коими огне-
вые цвѣты ежедневно побуждаемы
были кЪ отмщенію, наглость, сЪ
которою голубые, какЪ сторона по-
бѣдоносная, поступала сЪ *огнецвѣтными*
цвѣтами, своими согражданами, и
явное гоненіе, которымЪ непрестан-
но сихЪ послѣднихЪ угнѣтали, из-
черпали наконецЪ ихЪ терпѣніе.
Цѣлые округи приняли оружіе и обЪ-
явили Азору, что они откажутся
отЪ повиновенія кЪ нему, есть ли
онЪ, по крайней мѣрѣ, не оста-
витЪ своимЪ подданнымЪ на волю
выбирать, хотятЪ ли они быть
голубаго или огнецвѣтнаго цвѣта. По
щастію для Шешіанскаго государ-
ства точно вЪ то самое время
случилась при дворѣ перемѣна, ко-
торая удалила Султаншу Лили отЪ
прав-

правленія; и прекрасная Алабанда, благопріятствовавшая тайно *огненымъ цвѣтамъ* сдѣлалась повѣренною, или лучше, неограниченною обладательницею Султана. Сіе благополучное обстоятельство подало сторонѣ *огненаго цвѣта* время къ отдохновенію, и предварило всемѣстное междоусобіе. Алабанда, по справедливости, весьма желала доставить своимъ пріятелямъ полное надъ голубыми мщеніе; но Калафова сторона весьма была велика, а успѣхъ междоусобія весьма ненадеженъ, чтобъ такое предпріятіе было принято самыми начальниками стороны *огненаго цвѣта*. И такъ довольны были съ обѣихъ сторонъ положеніемъ условія, помощію котораго дѣла приведены были въ нѣкоторый родъ равновѣсія. Однако послѣдованіе показало, что откровеніе искуснаго въ древностяхъ Горгорикса сдѣлало такую народу рану, которая хотя затворена, но не могла быть совершенно вылечена.

 Все-

Всегдашніе у Бонзъ споры; отвращеніе, которымъ обѣ стороны естественно возбуждены были одна противъ другія, видя предметъ своего почтенія угнѣтенный презреніемъ отъ своихъ противниковъ; свирѣпство отличать себя и въ вещахъ самыхъ маловажныхъ; все стекалось къ возпаленію между *голубыми и огнетыми цвѣтами* вѣчныя ненависти (*). Сія ненависть не токмо прервала тонкое испканіе тесныхъ союзовъ естества, но была также и довольно сильна для сокрушенія, отъ времени до времени, крѣпчайшихъ оковъ гражданскихъ отношеній. Подобно сокровенному яду, заражала она всю величину политическаго тѣла, сообщала нѣкоторый родъ злости всѣмъ незапностямъ и сдѣлала ихъ гораздо опаснѣйшими, нежели бы онѣ сами въ себѣ были. При самомалѣйшемъ случаѣ, зло всегда воспаляясь, ока-

(*) Immortale odium et nunquam ſanabile vulnus.

Juvenal!

оказыволось иногда въ той иногда въ другой части государства. Понеже дворъ не былъ ни довольно силенъ для конечнаго усмиренія одной изъ двухъ сторонъ, ни довольно разуменъ для содержанія ихъ въ справедливомъ равновѣсіи, то онѣ угнѣтались попеременно смотря по тому, какій имѣли верьхъ въ провинціи, или также при самомъ дворѣ. Сей новый источникъ золъ, сколь пустъ ни былъ въ своемъ началѣ, возвелъ нещастіе народа до такого степени, что онъ въ другій разъ не ожидалъ конца своему бѣдствію, какъ токмо отъ возмущенія.

Изъ тѣхъ примѣчаній, которыми Султанъ Жебалъ прерывалъ нѣсколько разъ сіе сказаніе, мы нашли токмо одно, достойное примѣчанія. Онъ не понималъ, какъ народъ, представляемый намъ, по крайней мѣрѣ отъ временъ Султана Огула, просвѣщеннымъ и ухищреннымъ, могъ быть довольно глупъ,

чтобъ сдѣлаться жертвою толь смѣшнаго состязанія.

Рѣшеніе, которое Данишемендъ даетъ сей задачѣ, заслуживаетъ, по крайней мѣрѣ, вниманіе. Дѣйствительно дѣло плачевное, говоритъ онъ, видѣть нашего рода творенія, лишенными толь уничижительнымъ образомъ своего прекраснаго преимущества предъ другими животными. Однако я до сихъ мѣстъ не говорилъ о Шешіанахъ ничего такого, что бы, подъ извѣстными предложеніями не было столько же вѣроятно, какъ всякое другое естественное приключеніе. Надлежитъ положить, на примѣръ, что нѣтъ въ свѣтѣ ни одного столь обыкновеннаго явленія, какъ видѣть людей заблуждающихъ *съ разумомъ*; или также видѣть что они во многихъ случаяхъ разумны, а въ одномъ обстоятельствѣ глупы; .... что во всѣ времена и во всѣхъ частяхъ свѣта видѣли царствовавшими весьма ложныя мнѣнія, и весьма нераз-

разумныя обыкновенія; ..... что суевѣріе, когда овладѣло оно умомъ народа во времена невѣжества и грубыя простоты, и утвердиться въ ономъ имѣло времени нѣсколько вѣковъ, хотя и ослабѣло чрезъ постепенно возрастающее просвѣщеніе; но для конечнаго его истребленія, потребно великое пространство времени, надобно, чтобъ причины паденія его продолжали усилія свои безъ всякія остановки. Безъ сего, всегда паки обрѣтаютъ нѣкоторые остатки, кои отъ времени до времени укрѣпляются и причиняютъ особенныя и самыя опасныя возмущенія. Нѣтъ ничего легче, продолжаетъ онъ, какъ оправдать каждую часть моего повѣствованія историческими примѣрами того, что происходило между идолопоклонными а по большой части и между самыми правовѣрными народами (музульманами). Я не вижу, для чего бы Шешіане заслуживали болѣе поруганія за богослуженіе, воздаваемое

ими

ими обезьянѣ огневаго цвѣта, нежели мудрые Египтяне поклонявшіеся волу *Апису* и толь многимъ другимъ животнымъ, между которыми находились также обезьяны и морскія кошки. Состязаніе, была ли большая обезьяна голубаго или огневаго цвѣта, кажется мнѣ столь же довольно важнымъ, какъ и тотъ споръ, который былъ между городами *Оксиринхомъ* и сосѣдственнымъ *Кинополемъ* о божествѣ *Анубиса*, и о какой то морской рыбѣ съ острою башкою изъ роду *рохотъ*, есть ли мы можемъ вѣрить одному изъ благоразумнѣйшихъ людей древнія Греціи. Сія рыба, которая была богомъ хранителемъ жителей Оксиринха, почитаема была жителями Кинопольскими за другую рыбу, и слѣдовательно, безъ всякаго грѣха, съѣдена. Жители перваго города, которые естественно приняли сіе весьма худо, вздумали, что не можно лучше отмстить ихъ богу, какъ употребляя право возмездія, въ разсуж-

сужденіи псовъ, почитаемыхъ и содержимыхъ въ Кинополѣ на иждивеніи народномъ. Отъ сего родилась толь кровавая война, между сими двумя Египетскими городами, что Римляне принуждены были наконецъ развести силою сихъ возъярившихся (*). Впрочемъ можно догадываться, что

(*) *Плутархъ* въ своемъ описаніи *Изиды* и *Озирида*. *Ювеналъ* въ *пятнатцатой своей сатирѣ* дѣлаетъ ужасную картину подобныя о законѣ войны между *Омбитами* и *Тентиритами*. Оная, говоритъ онъ, возстала

Quod numina vicinorum
Odit vterque locus, cum ſolos credat habendos
Eſſe Deos quos ipſe colit — —

То есть.

За то, что то и другое мѣсто ненавидитъ сосѣдняго божества, думая, что тѣмъ токмо служить должно богамъ, которыхъ оно почитаетъ — —.

Одинъ изъ сихъ городовъ напалъ на другій во время великаго праздника, когда наименѣе ожидали непріятельскаго на-

что разсуждающая часть народа; то есть (по самому справедливому исчи-

нападенія. Стороны были, говоритъ стихотворецъ, неравны. Добросердечные *Омбиты* были очень пьяны, увѣнчаны розами, облиты благовоніями, и удручены пляскою. Напротивъ того непріятели ихъ тѣмъ были свирѣпѣе, что были голодны (*hinc jejunum odium*, т. е. отсюда гладная ненависть). Вражда началась словами, отъ словъ скоро дошло до кулаковъ; съ обѣихъ сторонъ мало осталось неразквашенныхъ носовъ. Но сіе казалось симъ безумнымъ токмо игрою; пролить кровь было для нихъ недовольно; имъ хотѣлось смотрѣть на трупы. И такъ метали нѣсколько времени другъ въ друга каменьями; наконецъ Тентириты заблистали мечами. Устрашенные Омбиты, объяты будучи трепетомъ побѣжали; страхъ придавалъ имъ крылья; одинъ только имѣлъ нещастіе попасться въ руки свирѣпаго непріятеля. Въ мигъ сей нещастный разтерзанъ былъ въ куски и съѣденъ до костей. Они не стали

и

исчисленію) одинъ изъ тысячи, почла сію ссору столь же пустою, какъ мы. Но должно въ тожъ самое время думать, что многіе изъ сея тысящныя части для того не меньше вязались за одну изъ двухъ обезьянъ. Древнія суевѣрія сходству-

---

и жарить его, говоритъ стихотворецъ, но сожрали сыраго съ гладною жадностію; кто имѣлъ щастіе ухватить маленькій кусокъ сея отвратительныя пищи, мнилъ, что никогда ничего столь вкуснаго не ѣдалъ. . . . А что сія война о законѣ между Омбитами и Тентиритами различествуетъ отъ тоя, которая происходила между Кинополитами и Оксиринхитами, или когда Ювеналъ писалъ послѣднюю подъ именемъ первыя, то по тому, что сіе имя лучше вошло въ его стихъ, какъ Салмазій о томъ весьма искусно догадывается, (in Solin. T. 1. p. 317 — 321) сіе есть такая задача, которую рѣшить мы оставляемъ *primo occupanti*, есть ли сего ужѐ не сдѣлалось.

Примѣчаніе Латинскаго Переводчика.

ствуютЪ съ другими старинными обыкновенiями и посмѣшищами; видятЪ ихЪ глупость, смѣются надЪ ними, твердо самимЪ себѣ доказываютЪ, что они суть злоупотребленiя; и не взирая на все сiе, ихЪ сохраняютЪ, для того что они древнiя; и ставятЪ тому во грѣхЪ, есть ли кто захочетЪ взять смѣлость отЪ нихЪ удалиться. Частная польза и страсти могли бы весьма хорошо быть причиною заставляющею насЪ съ усердiемЪ и жаромЪ защищать злоупотребленiя, которыя мы положительно почитаемЪ такими. ВЪ такихЪ случаяхЪ отличаютЪ умозрѣнiе отЪ самого дѣйствiя. УтверждаютЪ полезное злоупотребленiе, и внутренно смѣются тѣмЪ дуракамЪ, которые заслуживаютЪ быть обмануты, для того что они того желаютЪ.

Мы заключаемЪ сей перечень собственными словами мудраго Данишеменда и тѣмЪ разсужденiемЪ, на которое отЪ всего сердца соглашаемся.

ся. Обманы и хитрости, говоритъ онъ, съ обѣихъ сторонъ взаимно употребленныя, для ослабленія, или разрушенія себѣ противныя стороны;.. для похищенія поперемѣнно Государевыя довѣренности и для пріобрѣтенія себѣ руля правленія; .... или для учиненія себя двору страшными и для положенія всѣмъ его предпріятіямъ непреодолимыхъ препятствъ подъ видомъ всенароднаго блага; .... всѣ способы, которыми старались учинить дѣйствительный или видимый союзъ между выгодами частными и общею обѣихъ сторонъ пользою; ...... постыдное злоупотребленіе, учиненное изъ почтеннаго имени закона, Царскаго достоинства и всеобщаго блага, для исполненія сихъ предпріятій; ... безчисленныя дѣйствія неправосудія, обмана, измѣны, неблагодарности, похищенія, ядоотравленія и пр. которыя были играны подъ сими почтенными ларвами, все сіе представляетъ обильную матерію

къ сочиненію великихъ книгъ, и таковыхъ, на чтеніе которыхъ развѣ токмо наивеличайшіе могутъ быть осуждены преступники. По нещастію и исторія просвѣщенныхъ народовъ, когда представляются въ ней войны, (другое позорище омерзѣнія) есть почти не иное что, какъ сіе самое. Для человѣка, пріемлющаго въ жребіяхъ своего рода истинное участіе, есть мученіе останавляться при сихъ отвратительныхъ и ужасныхъ изображеніяхъ. Сердце друга человѣчества удаляется отъ нихъ, содрогаясь. Оно ищетъ съ безпокойствіемъ явленій невинности и мира, хижины мудраго и добродѣтельнаго, людей, достойныхъ сего имени; и есть ли не находитъ чѣмъ себя успокоитъ въ лѣтописяхъ рода человѣческаго (*), то желаетъ лучше міровъ вообра-

(*) Хотя есть нѣчто неоспоримо справедливое въ семъ Философа Данишменда мнѣніи, однако и то съ другія стороны не менѣе истинно, что исто-

образительныхъ. Сколь мало ни находится подлинниковъ сихъ прекрасныхъ

исторія, протеченная внимательными очами и объятая Философскимъ взоромъ, есть источникъ твердѣйшихъ и полезнѣйшихъ познаній для гражданина, для статскаго человѣка и для самаго простаго *зрителя свѣта*. Спокойный и просвѣщенный духъ проникаетъ въ частое сплетеніе человѣческихъ глупостей, онъ познаетъ вдругъ и послѣдовательнымъ откровеніемъ великія произшествія, и твердое начертаніе безконечныя мудрости. Онъ утѣшается, ободряется, и становится лучшимъ, видя непрестанное сраженіе добродѣтели съ беззаконіемъ, разума со страстями, истинны съ заблужденіемъ и обманомъ, знаній съ невѣжествомъ, вкуса съ грубостію. Онъ прославляетъ сокровенную десницу великаго естества зиждителя, который, изъ вѣчнаго сего сопротивленія въ частяхъ, производитъ порядокъ и согласіе въ цѣломъ. Исторія о человѣческомъ *разумѣ*, исторія о *добродѣтели*, исторія о *законѣ*, такъ какъ

сныхъ понятій въ подсолнечной, онѣ довольно дѣйствительны для его сердца,

---

какъ и о законоположеніи, художествахъ, торговлѣ, вкусѣ, роскошѣ, и пр. суть также плодоносныя части всеобщія исторіи, которыхъ прилѣжное ученіе обѣщаетъ величайшія выгоды для умозрительныхъ и практическихъ наукъ. И такъ мы весьма удалены отъ того, чтобъ ученіе историческое почитать маловажнымъ. Мы бы весьма желали лучше и яснѣе показать ученымъ и вообще всѣмъ людямъ, которые хотятъ быть разумнѣе и лучше, что исторія соединенная съ истинною Сократическою Философіею есть высочайшее ученіе, которое токмо можетъ учинить человѣками желающихъ быть превосходнѣе машины. Мы прибавили сіе примѣчаніе, для воспрепятствованія, сколько намъ возможно, чтобъ никто не думалъ оправдать симъ Данишемендовымъ мѣстомъ глупую и излишнюю склонность къ любовнымъ и волшебнымъ сказкамъ. Однако, когда историческое знаніе есть драгоцѣнно;

не

ца, потому что представляютъ ему пріятный сонъ, по крайней мѣрѣ до

 толѣ,

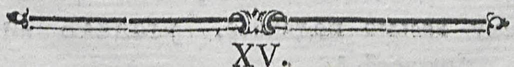
не можно отрицать, чтобъ та гордость, съ кое нѣкоторые историки презираютъ все то, что имѣетъ вымышленія, не была не справедливое и глупое педанство. Тѣ, которымъ состояніе ихъ не оставляетъ времени на познаніе того, что до нихъ случилось, довольно бываютъ наказаны, есть ли имѣютъ столь жестокое сердце, чтобъ читать ужасную Византійскую исторію, или исторію царствованія *Маріи Аглинскія* съ тѣмъ же хладнокровіемъ, съ какимъ лѣтосчислитель изыскиваетъ въ которомъ году отъ сотворенія міра царствовалъ въ Ѳивахъ Государь *Мисфрагмуѳозисъ*. Но ихъ примѣръ или вкусъ не составляетъ правила. При воззрѣніи на все то зло, которое причиняютъ на сей солнечной пылинкѣ, нами обитаемой, того же роду твари; для похищенія у другія жизни нѣсколькихъ мгновеній, или для наполненія ее горестью, чувствительныя души будутъ весьма часто понуждаемы убѣгать съ муд-

толѣ, пока нужда или непріятныя чувствія возвратятъ его въ сей свѣтъ.... Скажемъ лучше, что онѣ сердечно его убѣждаютъ, что единыя токмо мгновенія, въ которыя мы бываемъ разумны и добродѣтельны, единыя тѣ, которыя употребляемъ на какое великодушное дѣйствіе, на разсмотрѣніе природы, на испытаніе безпредѣльнаго ея плана, мудрыхъ ея законовъ и благотворительныхъ намѣреній, тѣ, которыя посвящаемъ дружбѣ, любви, разумному наслажденію невинными въ жизни удовольствіями, ... что сіи только однѣ мгновенія, говорю я, заслуживаютъ быть изчисляемы, когда спрашивается *сколь долго мы жили*.

Ки-

мудрымъ Данишемендомъ въ возможные міры стихотворцевъ. Сего довольно для оправданія ихъ, не прибѣгая къ Платоническому положенію, по силѣ котораго то, что мы полагаемъ здѣсь, какъ *отдохновеніе*, станетъ весьма существеннымъ *упражненіемъ*.

Китайскій издатель истинныя сея исторіи сказываетъ намъ, что Султанъ заснулъ, при послѣднемъ періодѣ мудраго Данишеменда, и что сей п инужденъ былъ прервать свое нравоученіе. Сіе обстоятельство лишило насъ, какъ онъ то уповаетъ, многихъ прекрасныхъ примѣчаній, которыя Философъ могъ бы еще сдѣлать на сію часть Шешіанскія исторіи. Въ слѣдующій день Султанъ приказалъ ему сколько возможно скорѣе пробѣжать то, что оставалось о царствованіи нещастнаго Азора. Есть сказалъ, онъ, нѣкоторые люди, кои *совсѣмъ скоты*, какъ то примѣтилъ отчасти и мой добросердечный дядя Шахъ-Багамъ; и сей Азоръ вѣрно изъ числа оныхъ. Отъ него очень скоро отдѣлаться не можно.



XV.

И такъ Данишемендъ продолжалъ повѣсть о царсцвованіи Азора слѣдующимъ образомъ:

Жалостнѣйшая изъ всѣхъ слабостей, помрачившихъ славу добросердечнаго Государя Азора была сохранена для его старости. Сія слабость тѣмъ прелестнѣе, что походитъ на добродѣтель; тѣмъ опаснѣе, что дѣлаетъ зло въ добромъ намѣреніи; и тѣмъ труднѣе къ избѣжанію, что самый разумнѣйшій изъ всѣхъ восточныхъ Государей не могъ довольно себя отъ оныя защитить.

Сіе называютъ, я думаю, загадкою, сказалъ Шах-Жебалъ. Я не ласкаюсь сравняться съ тѣмъ Султаномъ, о которомъ ты теперь говорилъ, въ искуствѣ угадывать загадки; но въ сей разъ я узнаю, что слабость великаго Азора, которую ты еще оставилъ, есть или притворная святость, или нѣчто сему весьма подобное. Угадалъ ли я, Докторъ?

Это удивительно, отвѣчалъ Данишмендъ, показывая въ голосѣ и лицѣ все то удивленіе, которое

за-

заслуживало остроуміе его Государя. Двадцать лѣтъ, продалжалъ онъ, прекрасная Алабанда употребляла во зло безпредѣльную власть надъ сердцемъ, дворомъ и сокровищницею Султана Шешіанскаго. Привычка и насыщеніе разгнали наконецъ ея очарованіе; и Алабанда увидѣла, что приходитъ то время, въ которое необходимо ей должно было признаться, что или Азоръ престалъ быть чувствительнымъ, или что она сама престала имѣть прелести.

Такъ какъ бы то и другое не могло имѣть мѣста въ одно время, сказала прекрасная Нурмагаль. По крайней мѣрѣ, отвѣчалъ Докторъ, вѣрить первому было для нее естественнѣе.

А для Азора другому, сказалъ Султанъ съ злоумышленною усмѣшкою.

Какъ бы то ни было, продолжалъ Данишемендъ, добросердечная женщина сдѣлала ту погрѣшность, что почла за несносную обиду то

 про-

произшествіе, которое по истеченіи двадцати лѣтъ можно назвать однимъ изъ наиестественнѣйшихъ въ свѣтѣ. Сколь несправедливо ей сіе ни могло показаться, однако по крайней мѣрѣ, столь же неразумно было гнать добросердечнаго Султана по справедливости въ семъ дѣлѣ весьма невиннаго. Всякій разъ, какъ ему было скучно (что весьма часто случалось), не надлежало было его отягчать выговорами невѣрности и неблагодарности и всѣми трагедокомическими дѣйствіями ревности и худаго нрава. Ибо чего инаго она могла ожидать отъ таковаго поступка, кромѣ того, что въ самомъ дѣлѣ воспослѣдовало? Сей кумиръ его сердца, который онъ съ недавнаго времени находилъ почти недостойнымъ своея любви, показался ему вскорѣ несноснымъ. Съ сея минуты царствованіе прекрасныя Алабанды достигло своея цѣли. И такъ Азоръ въ перемѣнѣ искалъ того щастія, къ которому сердце

его

его привыкло. Симъ удавалось ему разгонять нѣсколько времени свою скуку; но не нашелъ онъ того успокоенія, котораго чувствительное сердце ожидаетъ тщетно отъ чувствъ, или отъ произволеній вѣтренаго воображенія. Онъ тѣмъ скорѣе наскучилъ сими сердечными заблужденіями, что Лили и Алабанда пріобучили его быть управляемымъ разумами женскими, но разумами весьма хитрыми и острыми. А найти такіе разумы не столь удобно, какъ пріятныя лица и очаровательныя голоса̀.

(Какая хитрость въ примѣчаніяхъ Философа Данишеменда! вскричалъ младый Мирца.)

Вольность, которую подавали ему противу воли его услужливыя придворныя красавицы, дѣлала ему бытіе его наинесноснѣйшимъ бременемъ. Не однажды покушался онъ найти прекрасную Алабанду столь же пріятною и прелестною, сколько она была прежде; но малый успѣхъ ста-

старанiй его доказалъ ему наконецъ, что дѣйствительно надлежало престать ей быть таковою; и къ чему полезно ему было покушаться на невозможное?

Когда Азоръ находился въ семъ смущенiи, то Персидская танцовщица, о которой въ сей исторiи ужѐ упомянуто, принудила его сдѣлать тому опытъ, что онъ не протекъ еще всего округа дурачествъ, къ коимъ слабость его сердца дѣлала его способнымъ. Сiя тварь нашла способъ своими прелестями и щедростiю своихъ обожателей загладить пороки перваго своего состоянiя, и возвыситься мало по малу до достоинства повѣренныя Султанши Алабанды. Въ семъ состоянiи, Гулназа (сiе было имя превращенныя танцовщицы) имѣла частые случаи показывать очамъ Султана прiятности своего разума и прелести своего обхожденiя; качества, могущiя, при обращенiи съ нею, привести въ забвенiе то, что первые

ея любовники ужѐ посѣдѣли. Не по тому, что она не была еще весьма пріятна; но когда ужѐ однажды вкралась она подъ маскою дружества въ сердце Азорово, то была бы прелестна въ очахъ толь предпріимчиваго Государя, съ половиною оставшихся своихъ пріятностей. Однимъ словомъ, Азоръ, который бы нашелъ несносною ту скуку, кою ему причиняли Алабанда и другія придворныя красавицы, вдругъ открылъ, что онъ не можетъ жить безъ Гулназы. Нечувствительно овладѣла она всѣми къ его сердцу путями; и столько же непримѣтно сдѣлалась она изъ простыя повѣренныя самодержавною владычицею Султановыхъ склонностей. Ни одна изъ ея предшественницъ не имѣла надъ нимъ такія власти; но ни одна также не принуждала его менѣе чувствовать, что онъ носилъ оковы. Алабанда покорила его волшебною силою своихъ прелестей; Гулназа управляла имъ, посредствомъ совершеннаго

познанія слабыя стороны его разума и сердца. По сему удивительно ли, что ея господствованіе сдѣлалось полно и продолжительно?

Изрядное примѣчаніе, Данишемендъ! шепнула Нурмагаль съ тихою усмѣшкою.

Находишъ ли ты это? сказалъ Султанъ, трепля ее по плечу.

Ревность, показываемая Гулназою, больше двадцати лѣтъ, когда втеченіе ея только еще было посредственно, къ сторонѣ голубыя обезьяны, усугубилась теперь, когда Государская власть попалась въ ея руки. Голубые приняли новую бодрость и возмнили быть себя въ состояніи доставить себѣ весьма неистовыя надежды. Что наиболѣе удержало любимицу при сторонѣ обновителей, то было хитрое понятіе, которое имѣлъ одинъ Іа-Фаоу о друзьяхъ перваго Бонзы Калафа, въ изобрѣтеніи нѣкотораго рода набожнаго праздника, въ которомъ, для возбужденія бѣшеныя набожности,

чув-

чувства заняты были наиприятнѣйшимъ образомъ. Сіе изобрѣтеніе было смертельнымъ ударомъ нанесеннымъ Калафомъ сторонѣ огневаго цвѣта, коего благочестивыя упражненія больше имѣли въ себѣ мрачнаго и ужаснаго, нежели пріятнаго и трогающаго сердце. И такъ число голубыхъ день отъ дня умножалось. Самъ Азоръ находилъ всегда больше вкусу въ набожностяхъ своея возлюбленныя, и всѣ другіе роды забавъ неукоснительно престали. Взаимно приглашали себя къ какому нибудь увеселенію въ голубый пагодъ, какъ прежде просили на сельское гулянье, или въ маскерадъ. Мало по малу извѣстный набожный видъ сдѣлался отличительнымъ знакомъ придворныхъ людей; всякъ, кто хотѣлъ слыть искуснымъ въ свѣтѣ и хорошо воспитаннымъ человѣкомъ, старался на себя принимать оный, сколько возможно. Есть ли бы сіе было самое худое дѣйствіе втеченія пре-

кра-

красныя и набожныя Гулназы, то имѣли бы причины представлять оное какъ добро. Сіе пріятное премѣненіе въ Шешіанскомъ суевѣріи болѣе бы споспешествовало выгодной перемѣнѣ во нравахъ, нежели препятствовало. Но живость страстей ея не допускала ее оставить то времени, что она надѣялась исполнить въ единый мигъ силою. Недовольна будучи тѣмъ, что она *огненый цвѣтъ* столько унизила, что онъ почиталъ себя довольно щастливымъ, когда онъ только былъ терпимъ, учинила она торжественное обѣщаніе Тсао-Фаоу въ томъ; что она не прежде успокоится, доколѣ не очиститъ Шешіана отъ всѣхъ послѣдователей его соперника. Государевъ указъ служилъ подлогомъ поступать съ тѣми, которые отказывались отъ жертвоприношенія голубой обезьянѣ, какъ съ неповинующимися, и при малѣйшемъ сопротивленіи наказывать ихъ, какъ возмутителей всеобщаго покоя, съ

та-

такою жестокостію, которая соблазнила наконецЪ и самыхЪ голубыхЪ. Свирѣпостиприводящія вЪ трепетЪ человѣчество, и которыя желательно, чтобЪ остались безЪ примѣра, были оказаны подЪ именемЪ Государя, безЪ его вѣденія, и суть единыя дѣйствія, извлекшія изЪ забвенія послѣднія лѣта его царствованія. НаконецЪ, умерЪ онЪ весьма для славы своея поздно, отягченЪ будучи всеобщею ненавистію своего народа. Достопамятный примѣрЪ показующій, что Государь со всѣми любезными качествами частнаго человѣка, сЪ малыми пороками и со многими добродѣтелями, по единому недостатку свойствЪ, приличныхЪ Государю, можетЪ столько учинить зла, сколько наисвирѣпѣйшій тираннЪ. АзорЪ былЪ ни честолюбивЪ, ни жаденЪ кЪ имуществу своихЪ подданныхЪ, ни своенравенЪ, ни свирѣпЪ, ни жестокосердЪ. ОнЪ весьма далекЪ былЪ отЪ того, чтобЪ думать,

что и самыя безразсудныя его мнѣнія долженствовали быть законами и божественными словами, или, какъ многіе люди его состоянія, воображать себѣ, что Шешіанъ произведенъ изъ хаоса единымъ его хотѣніемъ, и почитать своихъ подданныхъ за такихъ невольниковъ, которыхъ щастіе и нещастіе, бытіе и уничтоженіе не должны быть разсуждаемы иначе, какъ токмо по мѣрѣ присоединенныхъ къ нимъ его выгодъ; онъ былъ Государь въ своемъ вѣкѣ весьма милостивый, сострадательный и благотворительный. Незнаніе должностей его состоянія, невѣденіе искуства управлять государствомъ, лѣность, сладострастное нерадѣніе, и весьма великая къ любимцамъ своимъ довѣренность, коихъ почиталъ онъ своими благодѣтелями за то, что они избавляли его отъ бремени правленія, недостатокъ воспитанія, слабости сердца и сложенія, сіе а не преступленія, похитило у него любовь его народа и почтеніе по-

томства. Наивеличайшія его погрѣшности состояли въ томъ, что онъ имѣя собственныя очи, смотрѣлъ токмо очами другихъ; что слухъ его хотѣлъ внимать токмо пріятному; что онъ не говорилъ ничего кромѣ того, что его говорить заставляли; и есть ли когда нибудь и приходило на умъ ему доброе намѣреніе, или отъ естественныя остроты его разума, или по старанію честнаго шута, отважившагo на свою голову, для открытія ему очей его, .. то имѣлъ весьма много недовѣренности къ своему собственному проницанію, и весьма много угождалъ своимъ любимцамъ, что не могъ оставаться твердъ въ своихъ намѣреніяхъ. Между тѣмъ должно признаться, что и рокъ имѣлъ нѣкоторое въ погрѣшностяхъ его правленія участіе. Недостатки и пороки Азоровы мало бы причинили зла, есть ли бы при немъ были токмо разумные и добродѣтельные люди. Впрочемъ ежели бы особы сего достоинства были столько

же остроумны и столько же пріятны, какъ его любимцы, то бы нашелъ онъ ихъ совершенно столько же достойными слѣпаго повиновенія и Шешіанъ былъ бы щастливъ. Но исторія всея вселенныя не показываетъ намъ ни единаго примѣра, чтобъ слабый и нерадѣтельный Государь видѣлъ нѣкогда при своемъ пробужденіи, какъ бы отъ ударенія волшебнымъ жезломъ, себя окруженнаго Валсинкгамами и Сюлліями.

КОНЕЦЪ ВТОРЫЯ ЧАСТИ.